

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

ЧЕТВЕРТЫЙ
ГОД

Пограничная река

Артем Каменистый
Четвертый год

«ЭКСМО»

2009

Каменистый А.

Четвертый год / А. Каменистый — «Эксмо»,
2009 — (Пограничная река)

ISBN 978-5-9922-0404-9

Современному человеку выжить в мире Средневековья нелегко. Еще труднее, если попал он не в самый спокойный уголок этого мира. Хочешь выжить — переделай этот мир под себя. Задача для одиночки невозможная, но для целой колонии землян ничего невозможного нет.

ISBN 978-5-9922-0404-9

© Каменистый А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Артем Каменистый

Четвертый год

Глава 1

Любой муравейник, несмотря на внешнюю неказистость конструкции, одно из совершеннейших инженерных сооружений. Человеческие постройки пока и близко не подошли к подобному уровню. Наши дома принудительно отапливаются, вентилируются, вода, газ, электричество доставляются с помощью громоздкой инфраструктуры, с ее же помощью удаляются отходы. Безмозглые насекомые прекрасно обходятся без всего этого, поддерживая в своем жилище постоянный, удобный для них микроклимат, и не озадачиваются экологическими проблемами.

С другой стороны, хоть человечество и не умеет создавать подобные архитектурные чудеса, уничтожать их оно способно с превеликой легкостью. Можно ногами растоптать конус и вылить в потревоженный рой ведро кипятка. Можно вместо кипятка применить бензин и спички. Можно кислоту. Можно использовать армейский огнемет. Можно подорвать муравейник тротилом. Можно использовать артиллерию. Атомная бомба гарантированно уничтожит все муравейники на приличной площади. При взрыве термоядерной бомбы эта площадь окажется гораздо больше. А если на поверхности планеты равномерно распределить термоядерные заряды и одновременно их подорвать, то вся биосфера может погибнуть, а вместе с ней погибнут и все муравейники.

За последний час Макс перебрал множество жестоких способов уничтожения муравьев, что неудивительно – о чем еще мечтать, лежа в муравейнике. Честно говоря, мечтать об этом ему уже порядком надоело – хотелось просто безумно заорать и не закрывать рот, пока не лопнут голосовые связки. Рыжие насекомые неодобрительно отнеслись к повреждению их архитектурного чуда и все свое недовольство вымещали на связанном землянине. Сотни маленьких мучителей бегали по его телу, не забывая пробовать кожу на вкус. Некоторых зазевавшихся пленник давил губами, на большее не решался – попытки пошевелиться приводили к резкому увеличению уровня раздражения шестилапых гадов.

Больше всего мечталось о побеге, но как тут сбежишь, если вокруг слоняется с десяток мордovorотов. Обиднее всего, что Макс не понимал, за что, собственно, его пытаются. С той самой минуты, как он глупо попался в лапы этим всадникам, его ни о чем не спрашивали. Молча притащили на эту полянку, сорвали одежду, связали, бросили в муравейник и будто забыли про его существование. Мозг, очевидно отравленный муравьиной кислотой, стали одолевать параноидальные мысли – уж не попал ли он в лапы к адептам секты муравьепоклонников? Может, его в жертву приносят таким неприятным способом?

Макса послали в эту экспедицию не зря – в его охотничьем отряде было несколько вольных кшаргов. От скуки он немного освоил их язык, так что худо-бедно мог понимать восточное наречие. Но зря он напрягал уши – палачи не говорили ничего интересного. Не обращая на пленника ни малейшего внимания, они занимались своими делами. Трое, расположившись под сенью дуба, апатично, без тени азарта играли в кости. Макс по обрывкам фраз понял, что играют они на интерес, а не на деньги, очевидно, этим и объяснялось отсутствие азарта. Рядом с ними, прислонившись к стволу дерева, чернобородый головорез с габаритами шкафа, со злобным видом что-то вырезал из обрезка тростника... не исключено, что орудие пыток. Еще парочка хлопотала у котла, подвешенного над костерком. Вид у них был тоже не оптимистический, а ароматы, приносимые ветерком, доказывали, что в котле готовятся далеко не деликатесы. По другую сторону от игроков в теньке спали еще четверо – прямо на траве, лишь один

не поленился вместо подушки использовать седло. Везет им – спят с храпом, и муравьи им не мешают... наверное, все собрались здесь – терзать Макса.

Судя по всему, вокруг этого скромного лагеря несут дозорную службу еще трое, именно им и попался Макс. Хотя не исключено, что их гораздо больше, просто он успел увидеть лишь троих, пока его не оглушили древком копья. Надо сказать, обращаться с копьями эти ребята умели, да и в этом жиденьком лесу у землянина шансов сбежать не было. Эх... будь это в пойменных дебрях у Фреоны... побегали бы они за охотником, ломая лошадиные ноги и путаясь в кустах. Да еще и стрелы получая. Не повезло...

Эстет, почивающий на лошадином седле, соизволил встать и, блаженно потянувшись, громоподобно выпустил газы. Этот звук заставил Макса приоткрыть глаза, покоситься в его сторону, тут же зажмуриться, спасая роговицу от муравьев. Следующие действия проснувшегося косвенно указали на его не последнюю роль в отряде. Закончив процедуру потягивания и порчи воздуха, он рыкнул:

– Дармоеды, что за дерьмо вы там варганите? Запах похуже чем от вас!

– Сир, это похлебка из лесных трав и немного конины. Конь сдох еще в новолуние, соли у нас нет, а в крапиве мясо немного заветрелось.

– Заветрелось?! Да его черви уже брезгают! Да и при жизни конь был не сказать чтобы очень... А это что за ублюдок тут муравьев кормит?!

– Сир, его поймал Гурк в лесу. Он крался к нашему лагерю. У него были лук и меч. Думаем, это кшарг. Положили его покормить рыжих, пока вы почиваете. Мы думали, вы захотите с ним поговорить, и к тому времени, как соизволите пробудиться, он станет поразговорчивее.

– Сейчас проверим.

Пинок сапогом в бок заставил Макса открыть глаза. Над ним застыл рыжебородый предводитель мучителей. Насмешливо оглядев пленника, он спросил:

– Ты кто такой?

Макс, тщательно подбирая слова, спокойно ответил:

– Я бы ответил, да муравьи в рот поналезут.

– Сир, может, ему зубы выбить, чтобы не умничал? – донеслось от костра неприятное предложение.

– Пока что не надо, он дело говорит. Вытащите его к дубу, но не развязывайте. Я к ручью схожу пока.

Кашевары выполнили приказ предводителя, бросили пленника рядом с игроками. К сожалению, очистить его тело от муравьев они поленились, но тут уже не муравейник, тут можно и шевелиться, чем Макс и занялся, пытаясь стряхнуть или передавить насекомых. Эх, еще бы руки развязали, вообще блеск был бы – ну как же хочется расчесать себя до крови! И потом сжечь парочку муравейников напалмом... желательно вместе со всем местным сбродом.

Между тем предводитель местного сброда вернулся быстро. Заглянув по пути в котел, он рутинно выбрал кашеваров и, присев на то же седло, обратился к землянину:

– А теперь отвечай, пока зубы целые.

– Меня зовут Макс.

– А меня никогда не зовут – я сам прихожу! Чей ты, Макс?

– Да вроде ничей, свой я по жизни.

– Своя у тебя пыль на ногах да мозоли... Ну раз ничей, ты-то мне и нужен. Много вас, кшаргов, здесь?

Макс знал, что кшарги в местной юриспруденции считаются не людьми, а бесхозным имуществом, по неуважению сбежавшим от хозяина. Не исключено, что он попал в лапы местных «органов правопорядка», а они на расправу круты. И доказать, что ты не верблюд, так же

сложно, как доказать московской милиции, что ты местный и паспорт забыл дома, а похож на кавказца, потому что у мамы был сосед армянин. Но молчать тоже не стоит.

– Я не кшарг. Просто пришел издалека. И говорю на вашем языке плохо, потому что он мне не родной. Уж кшарги-то говорят отлично.

Рыжебородый хмыкнул, задумчиво произнес:

– Красивый ты парень, но неразговорчивый. Нос отрезать, еще красивее станешь.

– Правильно, сир, – донеслось от костра, – заодно и похлебку свежачком приправим.

– Я не кшарг. Таких, как я, у Фреоны сейчас много живет. Мы пришли издалека, ни от кого не сбежали. Да посмотрите на меня внимательнее: я же совсем на местных не похож.

– Так ты от Фреоны пришел? И какая же чума тебя понесла сюда, в такую даль?

– Дела у меня тут, – неопределенно ответил Макс.

– Вижу я, муравьи сегодня ленью страдают, – вздохнул громила. – Ладно, парень, скажу тебе прямо: я как раз и направляюсь к Фреоне. И думаю я, что ты мне врешь, причем врешь нагло. А я это не люблю. Путь наш неблизкий, а жрать нам нечего. Если ты и твои сородичи-кшарги поделитесь с нами едой, мы уйдем, никого не тронув. Будешь молчать, попытаем, пока не выдашь, где деревня. Возьмем себе, что нам надо, остальное огню предадим. И порубим всех, кого поймает. Вот такие вот дела...

Макс закрыл глаза, скрипнул зубами, прошипел:

– Ну как вам еще доказать! Я не местный, я от Фреоны пришел! Не вру я! А вот вы врете! Сколько там живу, никогда ваши там не появлялись, никто туда не бежит, кроме тех же кшаргов.

– Ишь ты, никак и вправду не врешь. Да, нашим там делать нечего, но вот у меня дело есть. Если уж ты оттуда, так прихватим тебя с собой – дорогу показывать. Если заведешь в болото или другой тупик какой, так и поймем, что врун. К тому времени мы совсем оголодаем, и быть тебе в котле.

– Некогда мне с вами идти. Я тут по делам, меня товарищи ждут. Скоро волноваться начнут, пойдут искать.

– Какие такие товарищи? – насторожился рыжебородый.

– Хорошие товарищи. Их не меньше чем вас, и у каждого лук или арбалет. Они недалеко здесь, наверняка уже заметили дым от костра.

Реакция громилы была молниеносной.

– Риц, Гаронна, натягивайте луки. Эй, дармоеды, просыпайтесь и бегом лезьте в доспехи! И меня одеть! Ури, свистни Гурку! Похоже, рядом рой кшаргов... или не кшаргов. Смотри, парень, если врешь, до полнолуния дохнуть будешь медленно, покуда не сгниешь!

Несмотря на закипевшие военные приготовления, Макс почему-то, наоборот, успокоился. Подсознание подсказывало, что никакой опасности эти его новые «знакомые» не представляют. Главное, убедить их в том, что им незачем враждовать.

– Послушайте, сир, или как вас там! Развяжите меня в конце концов! Не знаю, кто вы, но причин для вражды между нами нет. Ни вам, ни нам эта стычка не нужна. Неизвестно кто победит, но победителей окажется немного. Вы не сможете добраться до Фреоны с парой раненых ребят, а мы, если, конечно, победим мы, не сумеем выполнить здесь то, за чем нас сюда послали. Так к чему нам заниматься этими глупостями?

Рыжебородый оттолкнул кашеваров, завязывающих на нем застежки лат, и требовательно проревел:

– Ну так скажи-ка мне, раз ты такой дружелюбный и умный, какая чума понесла вас в эти четырежды проклятые края? Что это за дело у вас такое?

– Да ничего интересного. У нас на Фреоне народу много, а скота мало. Мы хотели найти здесь лошадей и коров.

– Скотокрады, значит?

– Нет, мы не воры. У нас есть чем заплатить.

Заметив в глазах главаря палачей отблески возникших меркантильных мыслей, Макс поспешно добавил:

– Если вы думаете, что отнять у моих ребят деньги и товары – удачная мысль, то сразу прощайтесь с большей частью ваших людей. Без боя дело не обойдется, а чем закончится бой, я уже говорил.

Рыжебородый колебался недолго:

– Развяжите его, дармоеды. Надо поговорить по-человечески.

* * *

Жрал сир Бум как перед смертью или как минимум перед великим голодом. При этом он не обременял себя тратой времени на излишние гастрономические изыски: сухари жевал не размачивая, парочку лесных голубей слопал вместе с костями, комки гороховой каши черпал без ложки – вчерашней лепешкой. Решив, что каши на сегодня достаточно, он уложил на ту же лепешку копченого подлещика, откусил от этого подобия бутерброда половину, захрустел рыбьей головой и, выплевывая чешую, продолжил описывать окружающим историю своих злоключений:

– Ну я спросонья разбираться долго не стал: велел повесить обоих на воротах, взял ее за левую сисю и дальше захрапел. Мои дураки так и сделали. Даже кожу не догадались стащить перед этим. Ну один-то ладно, а вот второй оказался отъявленной скотиной, нелюдем. Нет, сдох-то он нормально, как вседохнут в петле: чуток подергался и обоссался под конец. Но вот незадача – отец его, оказывается, не совсем ему отец был.

– Это как? – не понял Макс.

– Ты что, совсем тупица или до сих пор в пеленки мочишься? Мать его мордой удалась на славу, но вот род их захирел до того, что папаня ее сам за плугом ходить не брезговал. Вот и выдали ее за пердуна не просто старого, а такого старого, что даже Смерть в сравнении с ним младенец. И как свадьбу играли, попал туда здешний герцог, сам не знаю, что за чума его туда притащила, и тоже не знаю, с умыслом приперся или нет. Но так уж вышло, что невеста ему очень даже понравилась, а герцог – это тебе не барон какой-нибудь. В общем, герцог этот в замок подозрительно зачастил, не прошло и года, как молодая жена хозяина замка разродилась мальчиком, а между тем муженек ее законный при этом даже и знать не знал, где спальня красавицы – не нужно ему это было, знать, уже давненько. Ну я сплетни все помнить не могу, вот и эту призабыл. А герцог не призабыл ничего, да и в королевском совете он не последний. Не успел я проснуться, как замок мой обложила королевская милиция. Пока меня облачали, стены уже трещать от огня начали, а скорпионы били прямехонько по двору, свиней моих калеча и слуг. Ну я в окно глянул, а там, на пригорочке, герцог ждет меня с нетерпением, на коне вороном сидя, а с ним рядом тополь старей, а на ветке того тополя уже веревка с петлей приготовлена.

Бум, не найдя больше лепешек, взял вторую рыбину без закуски и, откусив голову, продолжил:

– Ну я эту веревку разглядел хорошо, и что-то шея моя сразу зачесалась... и все сплетни вспомнились. Спасибо деду: хитромудрый был человек – в кости играя, умел тринадцать на паре выкинуть. Вот и о замке позаботился, хороший подземный ход вырыл... на всякий случай. И решил я, что случай этот настал. Послал всех дураков на стены, герцога отвлечь, а сам с ребятами был таков. Хотел податься к королю с жалобой: это что за дела такие, что из-за какого-то ублюдка решили рыцаря вешать позорно, но не поехал. Король наш, безусловно, человек великий и со всех сторон справедливый, только вот возраст у него не меньше чем у мужа матушки того самого ублюдка, из-за которого все началось, и мыслей своих ровно одна

в голове: «Да когда же я наконец схохну!» Все остальные мысли за него мыслит королевский совет, а там эта сука чумная – герцог наш. Пораскинул я уши пошире и вот что услышал – не за мной он сюда пожаловал. Дело у него поважнее, чем меня вешать, – ох как поважнее!

Загадочно подмигнув Макс, рыцарь с сожалением осмотрел почти пустую скатерть, отправил в рот целый стог дикого лука и захрустел сухарем:

– А дело это как раз и вас касается. Земля слухами полнится, вот и до нас дошли слухи, что выше порогов Фреоны не одни ваксы землю топчут, а и людишки какие-то осели. Много людишек – не шайки кшаргов, а народ, считай, целый. Уж неизвестно, как им там Хайтана жить дает, но живут. И что интересно – неплохо живут. Корабли их чуть не сотнями вниз ходят и товары хорошие привозят, очень хорошие. Даже золото фреонское, говорят, бывает. А золото это дело такое – всем интересно вдруг стало. А Фреона не сказать чтобы очень уж далеко от нас. Вот и поднял герцог отряд милиции королевской. По пути обормотов наказать заодно решил и меня в придачу подсушить на тополе, кшаргов в лесу пугануть и выйти к Фреоне, к этим людишкам непонятным. Может, что у них обломится. А смотреть герцог будет сурово – пожгут деревеньки ваши, да города, да народ перебьют, а кого поймают, с собой уведут, к сохе приставить. Если золото найдет, тоже не побрезгует. Да он ничем не побрезгует, что спрятать не успеете. Ну я и решил к вам податься – в таких передрягах такой храбрый рыцарь, как сир Бум, нелишним будет. А там, как герцога повесим на тополе, может, и не забудете надел выделить какой-нибудь, что-то мне тут перестало нравиться: в другой раз ход поземный может и не выручить из беды.

Дубин, не выдержав бесконечного монолога обжоры, высказал интересующий всех вопрос:

– Что там бормочет этот рыжий кашалот? Я почти ничего не понял.

– Если вкратце, то это местный мелкий военный феодал, рыцарь. В случае войны он обязан выставить несколько вооруженных воинов в войско. Для этого на него пашет толпа крестьян на выделенной земле, он же заботится о порядке на вверенной территории.

– Блин, давай без лекций по истории, умник, покороче объясни!

– Как могу, так и объясняю! – возмутился Макс. – Следил за порядком он оригинально: его хобби было воровать чужих баб. Украл жену у соседа, изнасиловал, муж приехал разбираться, он его повесил. Но муж только с виду ничего не значил: это был незаконнорожденный сын крутого герцога. Герцог этот сжег его замок, сам Бум удрал, прихватив своих вояк. И говорит, что герцог вроде намерен идти к Фреоне, проверять, откуда приходят товары в южные земли. При этом вести себя его люди будут не лучше чем хайты.

– Ну это и так понятно, – кивнул Дубин. – Но чего это он перед нами так сразу излился соловьем?

– В наши края хочет перебраться. Готов нам помогать, взамен надел просит. На исторической родине ему страшно вато теперь жить – там за ним веревка на тополе скучает.

– Макс, спроси его: сколько у герцога людей?

Бум ответил неоднозначно:

– Ну самое главное, это отряд королевской милиции. Наполовину это наемники, наполовину разные ублюдки, вроде герцогского. Вояки это знатные, ничего плохого не скажу, и одеты неплохо. За верную службу им маячит надел, а то и титул, вот и стараются. Этих у него всего выйдет под сотню.

– Так это не так уж и много, – обрадовался Макс. – Мы недавно хайтов разгромили отряд, так тот был гораздо больше.

– Ты язык убри, не трепись им раньше времени, – посоветовал Бум, и продолжил: – За герцогом местные бездельники обязательно увяжутся. На востоке мор начался, до нас не дошел, но страшно вато уже. Так что идея сбегать пока что к Фреоне многим по душе придется. Набраться разных баронских ублюдков, может... не знаю даже сколько. Да и крестьян своих

прихватят – сами ведь работать не станут, а холопы не только шатры ставить умеют, у них и топоры есть, и махнуть топором много ума не надо. А у кого рыцарь побогаче, так и кожанку с шлемом даст да щит окованный. Считай, сотен пять если народа выйдет к вашим из леса, так не очень это хорошо будет – это уже не жалкая сотня. Хотя думай сам – что у вас за армия там, я знать не знаю.

– Это войско уже идет к нашим?

– Пока вроде нет, покамест данников здешних трясут. Но это дело недолгое – неделя от силы. Потом, думаю, и двинут. Но идти медленно будут, дорог-то нет, а тропы никто не знает. Вы поопытнее, спокойно их обгоните, даже если задом наперед идти станете. А может, они и вовсе до зимы не соберутся – все может быть. И вообще, могут даже не к вам податься, а к хайтам – в этот год туда вроде поход положено снаряжать. Не могу я все знать, зачем, куда и к кому они идут.

– Эх... Бум. Да нас сюда послали за лошадьми и коровами, без них стыдно назад возвращаться...

– У меня двенадцать лошадей осталось, но не продам, самим мало уже.

– Да нам этого мало, нам десятка три хотя бы.

Бум присвистнул и заинтересованно уточнил:

– А платить, стало быть, будете фреонским золотом?

– С золотом у нас не очень... слухи это, нет у нас гор золота. Соль мы с собой тащим, много соли.

– Тоже дело, – одобрил рыцарь. – С тех пор как кшарги опять сожгли Матурские солеварни, народ побогаче соль на золото меняет, а остальные простой золой обходятся. Если во всех этих мешках она насыпана, то и на сотню лошадей хватит... если брать хромых кобыл. Только где набрать столько, край нищий, никто ничего не продает, украсть и то проблема теперь. Данники озверели, последнюю рубаху с покойника снять готовы... вместе с кожей. А с них потом герцог... тот и мясо с костей отдерет...

Макс панибратски хлопнул громилу по плечу:

– Бум, ну ты ведь здешний, придумай что-нибудь. Нам без лошадей возврата нет, да и коров хоть несколько не помешает. Я не последний человек, как к Фреоне вернемся, обещаю, не обидят тебя. Главное, баб там не тащи без спроса, и никто не повесит.

Бум замер, в глазах его выдавалась напряженная работа мыслей. Вид у него при этом был грустноватый – видать, нечасто рыцарю приходилось думать. Наконец нехотя произнес:

– Есть тут одна задумка...

– Что?

– Да есть тут один рыцарь, сказать по совести, лепешка коровья, а не рыцарь. Копья он в руках точно не держал, но зато с пером гусиным не расстается. Вот скажи мне, вот зачем воину грамоту знать? Я читать не умею, а подпись ставить писарь научил, больше мне и не надо. А у этого чернила на манжетах не просыхают. Там землю купит, там продаст, там деньги под процент даст, а там, наоборот, возьмет. Торгует всем чем торгуется. Честь свою и жены своей, думаю, уже не раз продал и перезаложил раз пять точно. Все соседи плюются при его виде – саму суть рыцарства честного позорит. А он и ухом не ведет – никакого стыда. Но, должен сказать, завидуют ему люто. Считай сам: замок уже второй отстроил, краше и крепче первого. Один камень, хрен огонь пустишь. Холопов у него, что тех муравьев. Думаю, если с ним поговорить, так соль он купит. Для него это капля, и нет интереса, но вот знакомство с вами завязать ему захочется, чтобы выгоду не упустить, так что даст, чего просите. Думаю, сказки о золоте Фреоны ему уже донесли... а может, и не сказки.

Макс, содрогаясь после упоминания о муравьях, повернулся к своим товарищам:

– В общем, этот Бум советует нам посетить местного олигарха. Говорит, что иначе трудно нам будет купить столько лошадей. Край нищий, народ тут злобный и подозрительный, а люди

мы чужие... Я и сам думаю, что нам надо купить все очень быстро и исчезнуть еще быстрее. Тут все свято уверены, что на Фреоне мы золото лопатами грузим в корабли.

– Я не понял, – вскинулся Дубин. – А с герцогом как? Надо же быстрее назад, наших предупредить.

– Герцог будет нескоро, да и не сможет он с нашей скоростью продвигаться – леса местные для них незнакомы, вряд ли найдет проводников... тут только кшарги бывают. Так что успеем его определить... без лошадей нам появляться стыдно.

– Ты думаешь, этому Буму можно доверять?

– Конечно, нельзя. Одако он точно не гений, и сложную каверзу вряд ли придумать сможет. Но следить за ним надо в оба.

* * *

Ваксы как внешне, так и внутренне не относились к особо утонченным существам, и этот ничем не отличался от своих сородичей. Корявый, узловатый, будто небрежно вырублен пьяным плотником тупым топором из крепкого бревна. Обтесать получившееся творение скульптор поленился. Не играть этому дикарю на пианино: такими грубыми пальцами орехи колоть удобно... кокосовые. И в пещерах ноздрей своих копать – чем вакс сейчас и занимался.

На свет божий появилась очередная сопля. Кабан, не сдержавшись, прошипел:

– Если он и эту сожрет, я на него блевану!

Вакс, придирчиво изучив свою добычу, не счел ее приемлемой для употребления и, вытерев палец о клочковатую щетину на бедре, продолжил свою речь:

– Земли тут много. Воды много. Камней много. Еды много. Надо это брать. – Чуть подумав, он уточнил: – Все брать: землю, воду, камни и еду. Мы и вы: брать все. Вам много-много, нам просто много. Вас много, нас мало. Нам и мало хватит, если много не дадите. Будем потом вместе тут всех убивать, кто за едой нашей придет. Будет хорошо.

– Чего он там бубнит? – вскинулся Клепа.

Олег с трудом понимал речь троглодита: причудливую смесь арланского и неизвестного диалекта, но основную идею уловил:

– Да предлагает союз нам. Говорит, что им нужно земли немного. Будут защищать этот край совместно с нами.

Кабан выразил свое мнение просто хмыкнув, а Клепа более развернуто:

– Круто. Вспомнился анекдот, как педофил пришел проситься в детсад на работу. Очень напоминает.

Олег покачал головой:

– Это не те ваксы, которых мы тут гоняем. Эти пришли с юга, как я понимаю, более цивилизованные.

– А какая разница?

– В принципе никакой. После нашего геноцида тут мало кто выжил, местность очистилась, а этих, я так понимаю, на юге люди метелят. Вот они и решили перебраться на новые земли. Будь мы слабыми, нас бы резать начали, а с сильными выгоднее дружить.

– Ну не знаю... – Клепа недоверчиво нахмурился. – Эта макака на меня смотрит как на зажаренного поросенка.

Вакс, ни слова не понимая из речи землян, очевидно, по их мимике и жестикуляции понимал немало, потому что поспешил добавить:

– Мы и вы никогда не дрались. Мы не были врагами, и мы станем друзьями. Один это мало. Два это больше. Вместе вся еда будет наша. И вокруг будем у всех еду воровать. Хорошо жить будем – и вы и мы. Это говорю я: Мур Гурликс Пожиратель Голов.

Олег мысленно порадовался, что его товарищи не сильны в местных языках и перевод имени дикаря не знают. Тщательно подбирая слова, он обратился к ваксу:

– Я тебя понял. Но мы и вы слишком разные. Моим друзьям, например, не нравится ваша привычка есть людей.

Мур Гурликс поспешно затараторил:

– Мой народ не пожирает все подряд! Мы не грязные вонючие пожиратели падали, что живут в пещерах. Мы только иногда едим печень и сердце сильного врага, когда этого требуют великие духи неба! Но ваши духи, спору нет, сильнее наших, и раз им это не нравится, то мы это делать не будем. Да и разве может такой пустяк омрачить нашу великую дружбу? Нам для друга не жалко ничего: можете даже наших женщин брать. Мы же друзья.

– Ну что? – не выдержал Клепа. – Что он там шепелявит?

– Да говорит, что они практически не людоеды. Только по субботам... иногда. И вообще уже считает, что мы лучшие друзья... баб своих нам предлагает.

– Мля, я счастлив, – возмутился Кабан.

– Я тоже, – поддержал друга Клепа и добавил: – Если этих тварей мыть неделю, а потом все сбрить, то, может, и пойдем, где мужик, а где баба.

Олег вновь обратился к дикарю:

– А где твой народ?

Вакс неопределенно махнул рукой за спину:

– Там мои лучшие воины. Их мало. Дальше, за рекой, идет мой народ. Я пришел говорить с вами. Для этого не надо всех баб сюда тащить. Говорить с теми, кто на большой лодке, мы не смогли. Они не говорят, они метают стрелы. Пошли по вашим следам сюда.

– Ну пойдем глянем на твоих воинов. – И Олег пояснил товарищам: – С этим Муром пришло несколько воинов ваксов, надо на них взглянуть. Может, там пара калек, и он нам просто мозги пудрит.

– А может, сперва его прирежем, а потом глянем? – предложил Клепа.

– Это всегда успеем. Это южные ваксы, они хоть и похожи на местных, но поумнее гораздо и цивилизованнее. Это вроде как питекантропы и неандертальцы на Земле. Берега Нары пустые, заселить их союзниками, пусть даже такими, не грех. Нам и без того врагов хватает, не будем спешить.

Мур зашагал вверх по осыпи. Земляне двинулись следом, причем Клепа и Кабан не опускали заряженных арбалетов – новому «союзнику», скатившемуся с этой горки им на голову десять минут назад, они не доверяли. Олег и сам сомневался в искренности вакса, но не думал, что тот ведет в ловушку. Слишком уж хитроумно для этих дикарей. Гурликс специально развел костер на вершине, привлекая людей, да еще и жестами их подзывал. Нет, хотел бы он напасть, сделал бы это ночью, без тактических изысков, не рискуя собой.

Катаклизм, забросивший сюда землян, неплохо отыгрался на здешних краях. Окончание одного из громадных разломов уткнулось в основание холма, обезобразив склон, так что подниматься было нелегко. Но не для ваксов – Гурликс ловко скакал с камня на камень, безошибочно выбирая устойчивые. Достигнув вершины, он указал на противоположный склон:

– Вон там. Там мои воины. Лучшие.

Олег шагнул в указанном направлении, взглянул вниз и замер. Рядом истуканами застыли его товарищи, синхронно опустив арбалеты и столь же синхронно произнеся одно неприличное слово.

Гурликс, превратно истолковав их реакцию, поспешно затараторил:

– Они плохо выглядят, но это потому, что мы много-много дней сюда шли. Наша еда закончилась, мы ели мало. Не хотели брать вашу еду без спроса. Мы ведь хотели прийти как друзья, а не как воры. Но если их покормить хорошо, они станут очень, очень сильными. Почти

как вы. Мы тогда всех сможем победить и съе... ну победить и украсть все у них. Прости, друг, что нас так мало.

– Да нет, Гурликс... вас достаточно, – выдохнул Олег. – Думаю, мы с вами действительно подружимся.

У подножия холма длинной шеренгой застыло несколько сотен ваксов. Рослые, в костяных и тростниковых доспехах, с длинными копьями. В прошлом году, мобилизовав всю округу, дикари смогли выставить против корабля землян около сотни воинов. И это был трудный бой.

Общее мнение выразил Кабан:

– Как удачно, что мы его не прирезали.

* * *

Часовой, дежуривший на крыше вагона, еще издалека начал орать:

– Ну что там?! Кто там костер жег?!

– Ваксы! – крикнул Олег.

– Много их там?!

Отвечать Олег не стал – не стоит наводить панику раньше времени. Землян в лагере всего сорок человек, стен нет, одни баррикады из обломков да вагон, в котором все ночуют, более-менее укрепили. За неделю больше не успеть, да и некогда строительством заниматься – задача экспедиции не в этом. Люди планомерно обшаривали центр катаклизма, выискивая все более-менее ценное. Задача непростая – каприз природы вырвал из района вокзала здания, пласты дорожного покрытия, железнодорожное имущество, машины, столбы с проводами, людей, все это перемешал и вбил в поверхность этой планеты. При этом погибло все живое в радиусе десятка километров, так что никто не покусился на местные сокровища. Но вот разыскивать в этой куче хлама эти самые сокровища – задача не из легких.

Паук, в отсутствие Олега оставленный здесь за старшего, поднялся на баррикаду и обиженно промолвил:

– Ну что заглохли? Что там? Мы часа два вас ждем, мозги уже глючат у всех.

– У тебя их по жизни глючит, – буркнул Олег. – Скажи лучше, выкопали те вагоны или нет?

– Да выкопали, без бонусов они: один пустой, второй трубами груженный. Зато у столба отрыли микроавтобус, железом забит рабочим. Даже ноуты есть с батареями. Я один запустил, пашет. Еще бы несколько запустить, и по сетке бы в «контру» пошпили.

– Офигеть какая радость! – неодобрительно заявил Клепа. – С хайтами играть будешь... хакер, блин. Лучше бы селитры нарыли.

– Так ее тоже полно тут, мы ее за год не перетаскаем к реке без транспорта! Сюда надо механиков команду, может, грузовик запустят.

Тема была больная. На вокзале в момент катастрофы в тупиках находились десятки вагонов, груженных полезными для землян вещами. Да и на прилегающей территории добра хватало: в магазинах, машинах, частных домах. Одного железа и цветных металлов хватило бы с лихвой на всех, кто сюда попал. Одна проблема: все это надо вручную будет перенести к реке, а это около сорока километров пути, если идти по старой дороге. Если напрямик, то чуть короче, но по времени выйдет еще дольше – по дороге все же проще.

Накануне ухода экспедиции Добрыня уговаривал Олега чуть подождать: он как раз отправил группу ребят на восток, надеясь, что на границе местных цивилизованных земель они выторгуют лошадей. Но Олег все же уломал его провести пробную экспедицию немедленно: уж очень не терпелось быстрее проверить, чем богат центр катастрофы – в прошлый раз, когда он здесь был, это сделать не успели... обстоятельства не располагали. Да и трудно всерьез рассчитывать на тех лошадей: их много надо – тройкой коней тут не обойтись.

Паук не сдавался:

– Олег, мы тут дисков кучу нарыли уже, там много полезной инфы и софт. Так что пару юнитов, как уходить будем, надо ноутами загрузить. Генератор мы под питание сварганим из местного хлама.

– Вот сам их и потащишь, в придачу к своему грузу, – предложил Клепа. – У нас уже все подсчитано, кто чего и сколько тащит. Разбей свои компы о стену, чтобы врагу твоя ценная инфа и софт не достались.

– Башку себе разбей, – возмутился Паук. – Так что там с этими ваксами?

Олег, проигнорировав вопрос, задал свой:

– Паук, сколько мы добра отложили, чтобы забрать в последующих экспедициях?

– Мегатонну. Там одной селитры тонн восемьдесят, плюс зерна столько же, если не больше, там мало что попортилось – вода лишь местами залила. Но в первую очередь одежду надо вытащить, сталь хорошую, полезные вещицы... это тонн пять или десять, наверное. А мы всей толпой сейчас сможем вынести тонну с хвостиком... плюс ноутов несколько.

Олег, загадочно улыбнувшись, уточнил:

– А вот как, по-твоему, сколько груза может унести один вакс?

– Вакс? Да эти бегемоты в юбках, наверное, и центнер утащат. Ну уж килограмм пятьдесят без проблем точно.

– Значит, пятьсот ваксов утащат пятнадцать тонн, – кивнул Олег.

– О чем это он? – недоуменно произнес Паук.

Кабан, положив руку на сердце, проникновенно заявил:

– Хакер... дружище... ты все равно не поверишь. Готовить пятнадцать тонн нам теперь надо.

– А нести кто все это будет?! Может, пятьсот ваксов позовете?!

– Как ты догадался?!

Глава 2

Замок Макса разочаровал. Честно говоря, это был первый замок, который он видел в жизни, но кинематограф поневоле заставлял ожидать чего-то более возвышенного. Высоченная скала, серпантин дороги, наверху маленькая цитадель, угрожающая небу острыми шпилями высоченных гранитных башен. Сотни амбразур оцетинились взведенными луками и арбалетами, меж зубцов стен замерли фигурки ратников в начищенных до блеска доспехах. Не помешает и ров с крокодилами, протянувшийся под стенами, хотя непонятно, как его соорудить на вершине скалы.

Ров здесь был. Вокруг холма тянулась узкая мелкая канава, практически сухая, лишь отдельные лужи, подернутые ряской и кишевшие лягушками. Запах, доносящийся от этой канавы, навевал на мысли о канализации. Габаритами холм на скалу совсем не тянул – будто лепешку среди лесов великан обронил. Башни присутствовали – целых две, и были они действительно каменные. Но гранитом там и не пахло – грубо отесанные блоки серого известняка. Стены невысокие, метров шесть от силы, парочка фигур между зубцами маячит, но без сияющих доспехов, в простой коже. Ворота проделаны на приличной высоте, перед ними обрывается дорога, поднимающаяся по искусственной насыпи. Бревенчатый подъемный мост опущен, но если его поднять, таран подтащить будет непросто. Над стенами поднимается крыша здорового каменного дома, под скатами черепичной крыши темнеют окошечки бойниц – если враг преодолеет стены, этот дом станет убежищем защитников.

В общем, ничего готически-величественного – похоже на казарму за бетонной стеной.

Землян здесь ждали – не успели они выйти из леса, как на мосту показалась парочка встречающих. Один из них сир Бум, второй незнаком. Но, судя по тому, что рыцарь не закован в кандалы и не повешен на воротах, переговоры о торговле пока что не провалены.

Дубин хлопнул Макса по плечу:

– Ну, дружище, дальше иди один, я назад.

– Давай. Не спите там... мало ли что.

– Спать не будем, но и вряд ли поможем чем – нас шестнадцать плюс у Бума десятков, а в этом сарае, думаю, не меньше. Если поднимут мост, мы ничего сделать не сможем.

– Ну, надеюсь, до драки не дойдет.

Все пространство вокруг замка метров на двести было расчищено от растительности. Ни деревца, ни кустика – даже трава выбита козами и овцами. Выйдя из леса, Макс поежился, явно ощущая на себе подозрительные взгляды. Не исключено, что кто-то через прицел смотрит. Эх... плохая затея... но переигрывать уже поздно.

Быстро, без суетливости дойдя до моста, Макс поприветствовал незнакомца кивком и представился:

– Меня зовут Макс, я пришел в ваши края от Фреоны.

Сухощавый старичок, благодаря клювообразному носу чем-то смахивающий на потасканного стервятника, коротко поклонился в ответ:

– Я Аххо, верный слуга сира Шифки. Прошу прощения за то, что он вас не поприветствовал лично. Неотложные дела заставили сира Шифку вчера покинуть замок, он ведь не мог знать о вашем визите.

Макс нахмурился, а Аххо поспешил добавить:

– Сир Бум уже рассказал мне о том, что за дело вас сюда привело. Жаль, что сир Шифка не может лично ничем вам помочь ввиду своего отсутствия, но это не такая уж и большая беда. Если вы не торопитесь, то можете расположить своих людей под стенами нашего замка, а вы и сир Бум будете нашими гостями. Через день или два, надеюсь, сир Шифка вернется.

– У нас мало времени, разве Бум вам не сказал?

– Сир Бум сообщил об этом, но я надеялся, что день-два вы сможете подождать. Но не печальтесь: я и сам могу помочь вам в вашем вопросе – сир Шифка полностью доверяет мне в решении всех хозяйственных вопросов. Одно жаль – он сам не сможет лично присутствовать при этом и познакомиться с вами. Пройдемте в замок, думаю, за бокалом вина обсудить ваше дело проще, чем стоя здесь, на ветру.

Пройдя под угрожающе нависшей решеткой, Аххо от души пнул в бок одну из свиней, стадо которых как раз пробегало мимо ворот, и гостеприимно указал в сторону главного здания:

– Пройдемте в малый зал. Не сочтите за неуважение, просто в большом сейчас ремонтируют полы.

– Это вечная беда, – кивнул Бум. – У меня в замке гости то и дело проваливались – испарения от дерьма очень быстро портят доски.

– Нет, – возразил Аххо, – у нас в Идингаине сортирная яма в углу, и ее содержимое не надо вычерпывать: в дождь все стоки с крыши идут в нее, вымывая содержимое в ров.

– Умно придумано, – с завистью произнес Бум.

– Да. Я лично следил за строительством, а сам научился этому в королевском университете, куда меня отправил на учебу сир Шифка почти сорок лет тому назад. Это был еще старший сир Шифка, а теперь я служу младшему – его сыну.

– Так я не понял – а что же тогда с полами приключилось?

– Ничего. Просто решили отказаться от дощатых, и сейчас рабочие настилают каменную плитку.

Бум ничего не ответил на это, но на лице его явно читалось, что зависть усилилась.

Макс внутренним видом замка также остался разочарован. Ступить некуда от навоза свиней, лошадей и коз, мусора хватает и другого, какие-то телеги, лачуги, упирающиеся в стены, дым очагов, ругань каких-то баб, злобно лающие полудикие собаки и полуголые дети, старающиеся их перекричать. Ветерок, сдерживаемый стенами, не мог эффективно выполнять задачи вентиляции, и дух здесь стоял такой, что все идиллические мечты о рыцарской романтике отбивало напрочь.

Незнакомцам здесь не доверяли – гости шли за Аххо, а за ними, в свою очередь, шла парочка стражников. Бум на них никак не реагировал, и Макс решил, что это нормальное явление.

Узкая дверь, обитая пластинами железа, была распахнута. Шагнув внутрь, Макс поспешил за управляющим, едва различая его спину в сумраке. Осматривать обстановку было некогда, да и невозможно: будто в погреб попал. Обещанный «малый зал» оказался приличного размера комнатой, скудно освещенной светом из трех узких окошек. Огромный камин, столь же громадный стол, не обремененный скатертью, несколько деревянных кресел. На одной из стен безвкусная мозаика, изображающая сцену убийства рыцарем какой-то жабообразной образины, над камином парочка скрещенных копий и круглый щит. Больше украшений не наблюдалось. Так же непонятно было, каким образом освещается помещение в темное время суток.

Аххо лично отодвинул от стола пару кресел, приглашая гостей присесть. Охранники остались стоять за дверью, но при этом то и дело заглядывали, с явным любопытством поглядывая на гостей. Аххо присел напротив. Тут же появился коротышка в засаленном фартуке, снял с подноса небольшой глиняный кувшин, наполнил три бокала из грязно-зеленого стекла, удалился.

Макс ожидал, что будет нечто вроде тоста, и не спешил прикасаться к своему бокалу. Однако земные обычаи, очевидно, здешним жителям были чужды – Бум осушил свой одним глотком, одобрительно крякнул:

– Аркольское, медовое, и остужено в меру.

Аххо довольно осклабился:

– Да, запасы еще не оскудели. Но что будет дальше, не знаю. Война оборвала всю торговлю с югом, купцам не пройти теперь, и неизвестно, когда все это закончится.

– Ну если нанять хорошую ватагу добрых ребят, пройдут как свиное копыто сквозь коровью лепешку. Там не войска опасны, а разбойники – с ними-то сладить просто.

– Разница меж ними только в названии, да и кормить ватагу надо... и кормить хорошо. И выйдет бокал аркольского по цене трех бочек эля.

– Ну дураков нет. Я бы, конечно, три бочки эля выбрал.

– Вот и я о том же, – кивнул Аххо и обернулся к Макс: – Сир Бум сказал, что вы хотели здесь соль продать?

Бум поддакивающее кивнул и потянулся за кувшином, а Макс ответил:

– Да. Но вообще-то это не главное. Меня послали в ваши края разузнать насчет торговли. Нам нужен скот: лошади, коровы, свиньи, козы и овцы. Соль принесли, надеясь, что здесь она в цене и нам удастся получить за нее то, чего хотели.

– Не сочтите за недоверие, а взглянуть на вашу соль можно?

Макс вынул из кармана узелок, развязал, протянул Ахху. Тот достал щепотку, придивчиво оглядел, сыпанул в рот, одобрительно причмокнул:

– Чистая. И горечи нет. Хорошая соль. Такую и вправду возьмут охотно. Много вы ее принесли?

– К сожалению, нет. Мы, по сути, в разведку пришли, всего лишь пятнадцать носильщиков взяли.

– Да уж, это немного. С солью в наших краях теперь трудности, сколько ни привези, все разберут. Сами подумываем о солеварне, но на Матуре сейчас сложно, а в других местах или соли нет, или лес вывели уж давно.

– У нас на Фреоне с солью проблем нет, могли бы привезти много, если толк будет.

– Толк будет. Эту соль я у вас возьму и заплачу хорошо. У нас в Идингаине лошадей хватает, да и коров немало. Выбор особо невелик, но если вы спешите, то лучше варианта не найдете. Макс, вы не сидите будто каменный, уверяю вас, вино отменное.

Землянин послушался, пригубил содержимое бокала. По вкусу вино напоминало дешевенький портвейн, да и пряностями отдавало. Ничем не лучше, чем та бражка, которую охотники втайне от руководства готовили из лесного меда. Но о вкусах не спорят, и Макс одобрительно кивнул:

– Хорошее вино.

– То, что надо усталому путнику, – подтвердил Бум, осушая третий бокал.

Аххо вкрадчиво поинтересовался:

– Мы тут слухами кормимся, так говорят, что вы вроде бы золото фреонское повадились добывать?

– Врут или преувеличивают, – осторожно ответил Макс. – Не до золота нам. Нет, золото там, конечно, есть, но все рудники на правом берегу, других мы не нашли. А там неспокойно: ваксов много, да и хайты не забывают заглядывать. Мы пробовали добывать, но овчинка выделки не стоит – не успеешь наладить добычу, как все разоряют. Нет, соль гораздо надежнее. Хотя, возможно, в будущем и золотом займемся серьезно.

– Займитесь обязательно, – посоветовал Аххо. – Наш двор переходит на чеканку своей монеты, так что золото вы у нас продадите с хорошей выгодой. Говорят, до нашествия Хайтаны фреонские земли кормили весь восток зерном, золото там по цене меди шло, да и меди хватало. Олово и железо не знали куда девать, соль, мрамор... богатейшие края были... все в одном месте... И вообще, что вы сидите как перед судьей: расскажите хоть что-то о своей земле – слухами ведь сыт не будешь.

Макс пожал плечами:

– Да что тут рассказывать. Живем помаленьку, ничего особенного. Землю пашем. Рыбу ловим, дичь добываем. Людей у нас много, но земли еще больше, всем хватает. Так что между собой особых трений нет. С южными странами торговлю кое-как наладили по реке, с вами, вот, впервые решили попробовать.

– Не лучшее время вы для этого выбрали, ох не лучшее...

– Это почему? – насторожился Макс.

– Война на носу. Король наш при смерти, а единства меж наследников нет – уже сейчас знамена разворачивать начинают. На южных границах уже третий год резня идет – холопы оттуда табунами сбегают в кшарги. И я их понимаю, жизни там нет... не успеешь вспахать поле, как его войско вытаптывает. Грабят при этом и свои, и чужие. А теперь оттуда и вовсе мор пошел. Сюда пока что не добрался, но укус уже готовим. В мою молодость при моровой язве, бывало, из всей деревни один холоп выживал. Лихое время... торговля почти умерла. Что посеяли, то и съели. Не до шелков теперь – и в рогожке родной походить не грех.

– Мы слышали, в южных землях врачи вроде бы чуму лечить умеют.

– Хамирцы да, искусные лекари. Но у нас таких нет, а если и появятся, то нескоро. Умные люди не нужны в этой дикости – много ума, чтобы собрать зерно с холопов, не надо. Я вот королевский университет закончил, а толку-то... даже говорить как холоп начинаю временами... не с кем словом умным перемолвиться. – Аххо сокрушенно покачал головой. – Развязался стариковский язык: все о себе да о себе. Сейчас велю нашим канальям собрать стадо, а потом за кувшинчиком аркольского вы мне все же расскажете про фреонские земли побольше. Уж уважьте любопытство старческое.

* * *

Аххо не наврал – сделку действительно провернули быстро. Земляне не знали, надул ли он их или рассчитался честно, но выбирать не приходится. Бум, правда, уверял, что заплачено хорошо, но полностью ему доверять сложно, да и аркольского рыцарь сильно перебрал – с трудом на коня влез.

Люди Аххо, забрав мешки с солью, поспешили в сторону замка. Дубин тут же начал придирчиво рассматривать первую попавшуюся лошадь:

– Проверим, что они нам подсунули.

Макс скептически хмыкнул:

– Дубина, да ты в сельском хозяйстве разбираешься не больше чем в китайском балете.

– Это верно. Ну уж лошадь от коровы отличу. Ух ты, тварь паршивая! Укусить хотел! Змеюка...

– Не расстраивайся, это точно не крокодил.

– Теперь бы довести все это до Фреоны. Хорошо, что несколько кшаргов взяли, да и люди Бума в скотине хоть что-то понимать должны.

– А что там понимать? Берешь палку и гонишь в сторону Фреоны стадо. Тут всего-то тридцать лошадок и пять коров, один пастух справится, а у нас сейчас двадцать семь человек.

– Предчувствия у меня нехорошие.

– Расслабься, Дубина, все будет хорошо – уж хайтов в здешних лесах точно нет.

* * *

Если на лагерь, разбитый отрядом Олега, посмотреть с большой высоты, то наблюдатель наверняка увидел бы цифру «восемь», выложенную из костров, – большая окружность и прилегающая к ней малая. Ваксов нагроулили жестоко, да и сами земляне плечи свои не жалели,

так что добраться засветло до Нары не удалось. Пришлось заночевать на северном склоне пологого лысоватого холма, неподалеку от подземного пожара.

За прошедший день, шагая бок о бок, к ваксам привыкли, но все же располагаться с ними вместе – это уж слишком. Не так-то просто считать верными союзниками тех, с кем сражались вот уже год. Даже Олег, готовый черта позвать ребенка окрестить, если это будет выгодно, не ощущал особой симпатии к троглодитам. Еще не забылась та неприятная пещера, где он очутился по прибытии, – не будь он везунчиком, давно бы его костями играли выродки людоедов. Да и проблемы маячили нешуточные: клоты и ваксы это те же кошки и собаки – мирно сосуществовать в принципе могут, но вот на практике это сложновато. Не хотелось бы лишиться помощи речных великанов. Их, конечно, немного, но это нисколько не умаляет ценность сородичей Удура.

Олег стянул с костерка закипевший чайничек, сыпанул жменю трав. Хорошая посуда, почти негнутая. Клепа подарил, выкопав среди рухляди в центре катаклизма.

Будто вызванный силой мысли, из ночной тьмы показался сам Клепа. Выгрузив возле костра охапку веток, он присел рядом с Пауком:

– Ты, тварь электронная, сколько можно этот комп курочить? Иди, блин, дров принеси, я запарился эти кусты рубать.

Паук и ухом не повел:

– Сам и руби – ты у нас создан для грубой работы. А я мозг, мне это противопоказано. И вообще, это не комп, это... Ну как тебе дураку объяснить... это что-то вроде узла сигнализации. Тут система датчиков и...

– Да на хрена тут твоя сигнализация? Что тут воровать? Дрова наши? Совсем у тебя крыша съехала.

Клепа сокрушенно покачал головой, сплюнул в костер, воровато огляделся, порывшись в своем мешке, достал пластиковую бутылку приличной емкости, заговорщицки произнес:

– Подставляйте кружки, пока никто не видит, налью кое-чего покрепче этой мочи, которую вы чаем обзываете.

Паук хохотнул:

– Так вот ты зачем меня за дровами гнал! Хотел отключить от пользователей этой бутылки!

– Ну так нахлебников вроде тебя полно, а бутылка одна. Кабан, ты что, спишь, что ли? Нам же больше достанется.

– Я и во сне выпить могу, – буркнул здоровяк, – а кружка моя перед твоим носом.

– Одни нахлебники, – вздохнул Клепа, отвинчивая колпачок.

Олег принялся к содержимому кружки:

– Это что такое и где ты это спер?

– На бутылках было написано, что коньяк. Там их еще много: полный микроавтобус бухла разного. Много разбилось, но и осталось немало. Я припрятал. На всякий случай. А то бы все наши перепились.

Паук без разговоров влил в себя кружку, причмокнул и, наливая в освободившуюся посудину чай, констатировал:

– Не коньяк, конечно, но тоже ничего.

– Много ты понимаешь, упырь электронный, – возмутился Клепа. – Не хочешь, не пей.

– А кто сказал, что не хочу?

Олег, обрывая ленивую перепалку товарищей, поинтересовался:

– Ну и как вам ваксы?

– Здоровые ребята, на таких бы огороды пахать, – одобрил Клепа, но затем потише добавил: – Но смотрю на них, и рука к арбалету тянется.

– Аналогично, – подтвердил Паук.

Кабан ничего не ответил – он сегодня был не в духе. Но зато Клепа болтал за двоих:

– Это хорошо, что мы их к развалинам не пустили. Не видели они, сколько там добра разного. Но это ненадолго: они, конечно, не профессора, но все равно догадаются, что надо проверить, откуда мы все это приперли. Думаю, надо будет постоянный пост теперь держать там, пока все ценное не вытащим.

– Мы за год все не вытащим, – вздохнул Олег. – Считай, до дождей месяца три осталось, а это десять походов «Варяга», если все делать в темпе. У ваксов и своих дел полно, не смогут они вечно тут сотни воинов держать, так что в реальности будет три-четыре похода, это максимум шестьдесят тонн. А по моим прикидкам, вытащить надо в десять раз больше.

– Ну железо можно не спешить вытаскивать, – предложил Клепа.

– Ты что! – возмутился Паук. – Железо в первую очередь! Вторую зиму оно может не пережить: харды накроются, коррозия начнет платы жрать, да и на ноутах батареи может переморозить, если температура хорошо опустится.

– Мозги у тебя переморозит, – хохотнул Клепа. – Я о железе настоящем, а не о твоём электронном мусоре. Там одних колес вагонных сотни две, вот это, я вам скажу, интересная работа – их вытаскивать. Или движки автомобильные – тоже весело тащить. Ну что, еще по одной?

– Наливай, – разрешил Олег. – Но эта последняя. Нам завтра тащиться еще несколько часов до «Варяга», не хватало ноги спяну переломать для полного счастья.

– А не надо было жилы рвать: ладно бы ваксов нагрузил, их не жалко, так ты и наших как слонов припахал. Рюкзак плечи уже до задницы стер.

Олег не стал спорить – действительно груз получился немаленьким. Но это того стоило: лучше лишний день потерпеть, чем два раза в такую даль бегать.

Осушив кружку, он налил чаю, отхлебнул, прилег на бок, устался в костер. Приятное занятие после трудного дня – разгоряченные ноги остужает ночная прохлада, расслабляются натруженные плечи, по жилам блаженно разливается алкоголь, а в голове полное спокойствие... если не считать беспокоящих мыслей о сосуществовании ваксов и клотов.

Товарищи тоже притихли, лишь Паук продолжал с энтузиазмом возиться со своей электроникой. Странно: что он там может видеть при скудном свете костра? Но, судя по всему, все же видит: с его стороны временами доносился звук зуммера, да и поблескивало что-то вполне исправно.

У Олега уже начали слипаться глаза, как Паук перебил намечающийся сон:

– Да что за ерунду он показывает?

– Ну и выкинь его, не мешай людям спать, – сонно пробормотал Клепа. – Хотя, если показывает баб голых, то перед этим дай взглянуть...

– Баб у ваксов поищи! Микроволновка, блин! Тут рядом источник микроволнового излучения!

– Ага... это тебя сейчас взглядами испепеляют все, кому ты мешаешь спать... Смотри, как бы еще топор из ночи не прилетел...

– И мощность увеличивается... Ну ни фига себе!!! А это что за черт!!!

Олег собрался поддержать Клепу, высказав что-то неприятное, но не успел. Ночь стерло чудовищной вспышкой, будто десяток молний разом ударило, по ушам больно врезало громopodobным раскатом, из костра вырвало груды пылающих веток и углей, швырнуло на землян.

Вскрикнув от боли, Олег мигом позабыл про сон, вскочил, отряхнул с себя обжигающие угли, тут же упал, сбитый с ног второй ударной волной. Приподнявшись на четвереньках, бросил взгляд в сторону стоянки ваксов – там был суший ад. С неба, разрываемого вспышками молний, дождем сыпались огненные капли. Ударяя о землю, они взрывались, осыпая всю округу голубоватыми сияющими кляксами. В ноздри ударил резкий запах, в глотке заципало – Олег понял, что это горит сера. По крайней мере, газ в воздухе сернистый.

Из огненного ада выскочила косматая фигура. Притормозив возле Олега, Мур проревел:
– Убегать надо! Быстро убегать! Далеко от огня убегать! Или плохо нам будет! Очень плохо! Еще больше плохо, чем сейчас!

– Мы и сами догадались, – ошарашенно ответил Олег и заорал: – Все за мной! К вершине холма! Бегом!

Он не стал выяснять, многие ли послушались его приказа – в первую очередь надо позаботиться о самом себе. Не успел пробежать и пары десятков шагов, как вновь упал от близкого разрыва. Но, к счастью, основной удар невидимый враг обрушил на лагерь ваксов и сюда его «бомбы» падали редко, так что больше кидаться на землю не пришлось.

Добравшись до плоской вершины холма, Олег плюхнулся за первый же кустик и лишь потом посмотрел в сторону лагеря.

Там было весело – сплошной пожар. Среди озер огня металась фигурки замешкавшихся людей и ваксов. С неба то и дело срывались новые огненные капли, но их уже было гораздо меньше, чем вначале. Клепа, плюхнувшись рядом с Олегом, разразился невероятно матерной тирадой, лишенной даже тени смысловой нагрузки, и затем практически цензурно добавил:

– Это еще что за ...?! Метеоритный дождь, что ли?!

Олег не ответил: он напряженно всматривался в небо, пытаясь понять, откуда сыпется эта напасть. Тщетно – облачность низкая и густая, вспышки лишь освещают нижнюю кромку туч, ослепляя глаза и не давая разглядеть источник появления огненных капель.

Люди и ваксы стояли вперемишку – опасность объединила их мгновенно. Олег не мог разглядеть каждого, но был уверен, что вождь рядом:

– Мур, ты здесь?

– Да, друг Олег. Мур здесь, рядом с тобой.

– Это что такое?

– Какие-то духи. Никогда таких не видел.

– Но ты же знал, что надо отбегать от костров, и тогда не тронут.

– Предки научили.

– Чему научили?

– Предки говорили, что за горами нельзя жечь много огня в одном месте. Духи начинают гневаться и сжигают все. Я не знал, что эти духи теперь и за рекой не разрешают много огня делать. Теперь знаю.

– Что ты несешь! Что за духи?!

– Духи как духи. Один огонь жечь разрешают. Два тоже можно. Три нельзя – обидеться могут. А когда духи обижаются, это очень плохо всем.

– Понятно... Картина Репина...

Клепа вдруг нервно хохотнул и хрипло заявил:

– Смотри! Эта фигня, что в тучах сверкает молниями, она дальше полетела, к угольному пожару, и его теперь бомбит.

– Да, – кивнул Олег. – Духи не любят много огня.

Клепа обеспокоенно покосился на товарища:

– Какие духи?! Ты что, совсем сбрендил от страха?

– Не больше чем ты... Давай не будем продолжать эту тему, надо спуститься к лагерю, пока эта чума не вернулась. Раненым надо помочь. Убитые до утра подождут. И обращаюсь ко всем: не вздумайте разжигать костры! Не знаю, что это, но огонь оно не любит...

* * *

Макс замешкался на один миг, по охотничьей привычке пригнулся к свежему медвежьему следу – это спасло ему жизнь.

Стрела прогудела над головой, ударила корову в лопатку. Бедное животное взревело, шарахнулось вбок, вломилось в густой кустарник, сплошной стеной тянувшийся справа от тропы. Позади дико заржала лошадь, кто-то пронзительно, истерически заорал.

Жизнь в лесу полна тревог и опасностей – год охотничьей жизни приучил Макса к любым передрыгам. Вот и сейчас, не задумываясь, он рванул за раненой коровой, только потом задним умом поняв, что интуиция его не подвела. Ему не пришлось тратить время и усилия на преодоление полосы кустарника – несчастное животное проделало всю работу за него.

Спрятавшись за первым же деревом, Макс достал лук, быстро, но без суеты, натянул тетиву. Со стороны тропы не утихали крики, да и стрелы продолжали молотками бить по телам и растительности. Звона оружия слышно не было, а это плохой признак. Отряд растянулся, нападавшие застали его врасплох. Место неудобное для засады – никто не ожидал такой пакости в этом дремучем лесу, вот и поплатились за беспечность.

Рискнув высунуть нос, землянин сквозь кусты и мешанину мечущихся лошадей разглядел противника – в жидковатом лесочке, окаймлявшем бурелом по другой стороне тропы, мелькали спины удирающих лучников. Выстрелив вслед, Макс промахнулся – стрелу отклонила ветка. Это был его первый и последний выстрел в этом бою – противник исчез.

Громыхая сбруей, к месту схватки прискакал отряд Бума. Всадники бросили бесполезные в лесу пики, размахивая мечами и топорами, ринулись вслед за нападавшими. Лес огласил рев азартных криков.

– Куда вы, придурки! – заорал Макс. – Там дальше бурелом, не догоните!

Суровые воины не обратили на его слова ни малейшего внимания. Раз меч достал, то надо обязательно им помахать, пусть даже впустую. Досадливо сплюнув, Макс выбрался на тропу, заорал уже своим:

– Все сюда! Сгоняйте всех оставшихся лошадей и коров!

Люди начали выбираться из кустов, стягиваться к командиру:

– Все живы? Никто не ранен?

– Мишке щеку прострелили. Стрела в рот вошла, через щеку вылетела.

– Не умрет, – жестко отчеканил Макс. – Нечего было хавальник раскрывать. Остальные целы?

– Имру ногу проткнули, ниже колена, – отозвался один из кшаргов.

– Перевяжите раненых и не давайте разбегаться животным.

– Несколько уже успело ускакать, – нервно буркнул Дубин. – И вообще, это кто такие были?

Макс не ответил, он развернулся к возвращающимся всадникам:

– Эй, сир Бум, кто это такие?

– Знать не знаю. Хорошо бы поймать одного, задницей сунуть в муравейник и спросить. Да разве их поймаешь в этой чаще... Думаю, их Аххо послал... старый плут. Надо вернуться и пустить огня ему под ворота.

– Зачем Аххо это делать?

– Несколько лошадей пропало, разыскать их тут дело долгое. А эти свиньи лес знают, и себе их заграбастают быстрее, чем мы разыщем.

– Аххо с нами дружить выгоднее, чем ссориться, да и для него пять кляч не сокровище.

– Ну, значит, кто-то из его ребят польстился – кроме них, ведь некому. Хотя бы те, что в зал зыркали при нашем разговоре.

– А может, это разбойники местные?

– Откуда им тут взяться? В этом лесу грабить некого. Тут до Рыбицы даже кшаргов не будет. Смолокуры да охотники здесь бродят, а с них брать нечего.

– Ладно, будем держаться настороже. Как бы эти гады не вернулись. Им этот лес знаком, нам нет, оторваться трудно будет.

- А я думал, вы тут каждое дерево знаете, – разочарованно произнес Бум.
- Здесь нет. Но за Рыбицей все изменится – с нами кшарги идут, там они действительно все знают.
- Ну лишь бы в болото не завели.

* * *

Правый берег Фреоны походил на левый не более чем пустыня на тайгу. Левый берег местами на несколько километров покрыт тростниковыми плавнями и лабиринтами пойменных протоков и озер. Далее на много дней пути идет лес, и лес серьезный. Трудно найти солнечную лужайку с мягкой травой или чистую сосновую рощу. Что ни дерево, то великан; где нет бурелома, там непроходимый малинник или бесполезный кустарник. Под ногами то и дело хлопает мох, предупреждая о близости болота или мрачного, чернильно-черного озера. В этом комарином раю недолго и депрессию заработать от мрака окружающего, а следом и повеситься. Передвигаться здесь без проводника трудно – звериных троп мало, да и ненадежные эти дороги... куда угодно завести могут. У сохатых, занимавшихся «строительством» этих магистралей, единого проекта не было, и брели они куда глаза глядели. Помогавшие им в этой работе медведи и волки поправлять ошибки рогатых великанов желания не испытывали – вот и возник целый лабиринт, где сам черт ногу сломит.

Зато правый берег – другое дело. Плавней нет, если не считать плавнями отдельные поросшие тростником заливчики. Далее узенькая полоска сырого пойменного леса, а потом надо топать вверх, и от солнца среди холмов здешних спрятаться негде – деревьев мало, да и те лишь по низинам обычно или на плоских водоразделах. Великолепный травяной рай для множества травоядных, простор и раздолье – иди куда хочешь. Следы сохатых встретить тут трудно, да и медведь редкость; зато оленей и антилоп полно, да еще и дрофы нелетающие, размером чуть ли не со страуса. Охотникам благодать – ничего подобного на левобережье не было. Да и не только охотникам благодать – у самого мрачного пессимиста в душе радость проснется, если прогуляется по этим холмам, попьет воды из кристально-чистого ручья, вдохнет полной грудью медовый воздух, пропитанный ароматами степных трав. А уж как весной здесь прекрасно – птичья трель не смолкает ни на миг, мечутся ошалевшие в пору гона антилопы, холмы алеют от цветущего мака и тюльпанов.

Полная благодать.

Ломкина на Земле все называли просто: Лом. Здесь звали так же, хотя он ни одной живой душе не рассказал о своем прозвище. Фамилию выдал, и все – теперь Лом навечно.

Сам не заметив, что мыслит вслух, он речитативом пропел:

– Я Лом. Я Лом двух миров. Я был Ломом на Земле, а теперь я Лом в этой жопе. Я космический Лом двух миров.

– Ты что, опять перебрал? – поинтересовался Кислый.

– Хотелось бы...

– Потерпи, недолго уже. А фамилия у тебя в тему. Вот у меня корефан был, старый корефан, на одном горшке выросли. У того фамилия Коноплев была. Прикинь, если бы он тут нашелся, были бы Ломкин и Коноплев.

– Прикол. Только ты реально уже мозги протрахал этим своим приятелем. Стопицот раз слышал уже про этот горшок и вашу совместную срань.

– Было бы что трахать! А жить с такой фамилией – это ментовским светофором работать.

– Не... Кислый... тут ментов нет.

– Зато тут Круг есть.

– Круг – реальное падло. В ментах и то больше человеческого.

– Спору нет. Лом, если мы попалимся с маком, я даже думать боюсь, что он сделает.

– Чего тут думать – финиш нам сделает. Это чмо меня за грибы четыре дня в погребе гноило. За мак нас раком через шлагбаум нагнут.

– За мак да... За мак он маму через шлагбаум, не то что нас...

Лом подрезал очередную маковую головку и, завороченно глядя, как выступает млечный сок, задумчиво произнес:

– Кислый, если и эта ханка¹ не вставит, то мы реально попали. Хуже чем с шалой² попали. Мак какой-то не такой.

Кислый возразил:

– Шала и правда отстой, стога не хватит вставиться, но план³ ничего, приход был. А мак вроде нормальный, я и похуже видал.

– Да мы чуть не кончились, пока на пару раз вставиться плана не намацали на той поляне.

– Климат здесь не тот. Пыльцы мало, смолы тоже. Самим сажать надо.

– Иди Круга попроси землю под коноплю выдать, – буркнул Лом.

Приятель дружно хохотнули, представляя реакцию мэра. Кислый поднял голову, утер пот со лба, глянул в сторону реки, плюхнулся на живот:

– Лом! Ложись! Попалимся!

В крови Лома постоянно присутствовали сильнодействующие вещества, отрицательно сказывающиеся на реакции, и не только на реакции. Ничего не поняв, он насмешливо заявил:

– Кислый, ты по ходу пару стогов скурил уже, вдогонку к смоле. Мы на правом берегу, здесь Круга нет и не будет, тут островитян земля. Кончай придуливаться – я на такой развод не попадусь. Встал бегом и работай – я за тебя пахать тут не нанимался.

– Придурок! Торчок конченный! Ляг, пока не заметили!

Лом неохотно обернулся, посмотрел, плюхнулся рядом с Кислым, заикаясь, произнес:

– Может, это глюк?

– Реально не глюк, я даже слышу их уже. И не можем мы оба в одну тему заключить, да и не с чего нам так глючить реально.

– А может, тут шала такая? Долгоиграющая?

– А может, ты сходишь и потрогаешь их?

Лом подумал и покачал головой:

– Не... сам иди. Чего ты мне такое говоришь – это же надо быть в голову трахнутым, чтобы пойти туда.

– Вот и я о том же. Это тебе не Круг. Эти через шлагбаум нагибать не будут. Эти сразу.

– Реально не будут, – согласился Лом и с нескрываемой печалью добавил: – По ходу мотать отсюда надо, хрен с ней, с этой ханкой. И лодке нашей полный капут – они как раз там тусуются.

– Да найдем мы еще поляну, тут мака по холмам много должно быть. Мотаем к лесу, а оттуда к Добрыне.

– Так Добрыня тоже через шлагбаум может, – опасливо возразил Лом.

– Ну Добрыня не Круг. Добрыня с понятиями, а не падло конченное. У него лодки есть, может, поделится, если расскажем про местную тему.

– Тогда пошли, – согласился Лом. – Но лучше поползли.

¹ Ханка – опий-сырец, подсушенный сок коробочек опиумного мака (жаргонизм).

² Шала – сухие измельченные листья индийской конопли.

³ План – смесь смолы и пыльцы индийской конопли.

Глава 3

Ветер, как назло, стих перед самым городом, и к пристани «Варяг» подошел на веслах, под натужное пыхтение гребцов. В межень Хрустальная прилично обмелела, и течение усилилось пуще прежнего. Олег с радостью убедился, что за пару недель его отсутствия здесь многое добавилось – народ без дела явно не сидел. Главную башню, охраняющую причалы, достроили, наверху даже чашка катапульты виднелась. Половина речной стены готова, на второй работы еще немало, но там это не страшно – обороне помогает обрывистый берег. Если и на остальных участках то же самое, то можно считать, что крепость у бывших островитян уже есть.

Однако наибольший интерес у Олега вызвали не новостройки, а незнакомый корабль у верхнего причала. Не похож ни на «Арго», ни на «Варяга». Больше всего напоминает речную галеру из южных стран – таких немало перевидали во время торгового плавания за пороги. Было дело, даже воевали... Южные лица, мелькающие на палубе, окончательно уверили Олега в мысли, что к землянам пожаловали гости.

Такого еще никогда не бывало.

Корабль подтянули к причалу, опустили сходни. Шагать по ним пришлось снизу вверх – суденышко было сильно перегружено, пару раз даже дно цепляли, пока поднимались. На полпути Олега едва с ног не сбила его суматошная супруга, свалившаяся чуть ли не на голову. Насладиться встречей не дал Добрыня – здоровяк бесцеремонно ухватил друга за руку:

– Анька, отдай мужика, мне он сильнее нужен, чем тебе.

– Так ночевать вы что, тоже вместе будете? – невозмутимо поинтересовалась девушка.

Причал взорвался смехом, а Добрыня беззлобно ругнулся:

– Тьфу, стерва языкатая, отлупить бы тебя, да жалко! Сгинь хоть на часок, дай нам дела порешать, а потом хоть неделю ночуйте.

– Ровно час, время пошло, – непреклонно заявила Аня и, скатившись на палубу «Варяга», бросилась разыскивать своего родственника-священника. – Дядя, ты где? Ну как твоя миссионерская деятельность прошла? Сколько ваксов окрестил?

– Да нет его тут, – буркнул Клепа. – В устье высадили, к вечеру дойдет. К рыбакам он хотел заглянуть. А за ваксов не переживай – крестить не крестил, но отпел немало.

Добрыня, отведя Олега от причала, мрачно поинтересовался:

– Что у вас там было? Я смотрю, раненых привез?

– Двое убитых, двое серьезно ранены, – угрюмо ответил Олег. – Попали мы серьезно один раз, так с ходу не рассказать. Как у вас-то?

– Да у нас живые все, слава богу. Только Макс еще не вернулся, ждем. Пошли ко мне, там все расскажешь.

Избушка Добрыни была многоцелевым сооружением. Здесь жил предводитель островитян, здесь же проводили важные совещания в узком кругу, здесь же устраивались пьянки для высшего руководства и прием делегаций от других поселений – по сути, те же пьянки, но в расширенном кругу.

Усадив Олега за стол, Добрыня выставил перед ним тарелку с вяленой рыбкой, спустился в подпол, поднялся с парой огромных глиняных кружек:

– Говорить много придется, так что давай горло смочим. Пиво домашнее, от кшаргов Круг подкинул бочонок. Давай-ка чокнемся за встречу. Ну давай, рассказывай.

Слушать Добрыня умел, а расспрашивать умел еще лучше. Пить пиво Олегу сразу стало некогда, и к концу «допроса» оно даже перестало пузыриться. Узнав все, что хотел, хозяйственный лидер уточнил:

– Так говоришь, там еще много такого добра осталось?

– Не то слово. Думаю, надо зерно в первую очередь спасать. Там пара вагонов, но один сильно пострадал, и зерно вымокло, гниет. Только в одном конце осталось сухим. Но зато второй нормальный, я замачивал, прорастает хорошо. Мы даже картошки нашли несколько мешков. Погнило ее много, но сквозь гниль Клепа побегу заметил: растет некоторая. Несколько кустов взяли, бережно несли. Не завяла, а остальную там пересадили на хороший участок, надо будет выкопать, как созреет, если зверье местное не вытопчет. Но это вряд ли – там живности мало очень. Картошку можно и отдельными глазками сажать, если знать как. Я читал про такое. Если все нормально будет, на следующий год у нас будет полно семенного картофеля. Здесь он не растет и даже неизвестен.

– Хорошая новость. Жаль, что вы там пулеметов парочку не выкопали или танк. Нам бы очень не помешало.

– Пневматическую винтовку нашли одну, – усмехнулся Олег.

– Шутник. Хайтов рассмешишь...

– Селитра там вагонами, где сера есть, тоже знаем, древесный уголь тоже не проблема. Так что черный порох у нас будет, а может, чего и покруче соорудим. Труб там разных хватает, мы немного притащили с собой – ничего приличного из них не соорудить, но дробовик запросто. Сотню человек нам с мушкетами, и хана Хайтане. В металлоломе нашли и получше стволы, но это разве что под артиллерию – здоровые очень.

– У меня тут на примете мужичок есть, в химии понимает хорошо, сейчас занят дублением кожи, вот его на порох и назначить – пускай думает.

– Ну это тебе виднее, кого и как. Ты давай колись: что за корабль у нас стоит?

– Три дня назад снизу пришел, ватага арланцев на нем. Товар хотели до Сумалида поднять: вино, ткани, лекарства, пряности. Ну и к нам по пути думали заглянуть. И не пожалели: мы все у них скупили, эти рады без памяти, после полудня отплывать собираются.

– А платили чем?

– Соль, железа немного прокованного, золото подскребли, что добыть успели, и Млиш пару камней выдал, которые у тебя хранятся. Сказал, что самые дешевые взял.

– Пороги они нормально прошли?

– Говорят, спокойно все там. Но все равно страшно было: народу у них мало, если что – не отбились бы.

– А чего ж они поперлись такой мелкой кучкой в такую даль? Как они собирались мимо Хайтаны пройти?

– А мозгов у них нет, вот и поперлись. Там молодежь одна, куда ветер дунет, туда и несет. Быстрее бы их сплавить – уже пару драк затеяли и чуть девку не умыкнули. Извинились, правда, и откупились, но оттого не легче – в гробу я таких купцов видал. Своих надо вниз посылать, одежды нам очень не хватает, и не только нам. Негде нам ткань брать, кроме как на юге. Думать надо, кого посылать, и думать срочно, чтобы до снега успели вернуться.

– А что они говорят про обстановку? Арланцы и танирцы так и воюют там?

– Говорят, мир, но я так понимаю, больше часа там мир не держится и всего можно ожидать.

– Да там и без войны хорошего мало...

В дверь без стука вошел высокий, болезненно худой парень: бледный, белобрысый, будто альбинос. Щурясь в полумрак избы, он, чуть заикаясь, поинтересовался:

– Добрыня тут?

– Ну, допустим, тут, – недовольно прогудел хозяин дома.

– Здорово! Можно войти?

– Лом, так ты вроде уже вошел. И совести у тебя при этом хватило мне на глаза явиться!

– А что сразу Лом! Чего орете с порога! Вы выслушайте сперва, я по делу сюда пришел. Важное дело.

– Что у тебя, торчка, может быть важного? Героином пришел поторговать или что?

В дверь проник второй посетитель: этот был мелкий, чернявый, с бегающими глазками. Бросая по углам избы вороватые взгляды, он радостно поприветствовал главу островитян:

– Здравствуйте, дяденька Добрыня. И вам, Олег, здравствуйте.

Добрыня нахмурился еще больше:

– Ну раз и Кислый тут, то точно дело пахнет героином.

– Да не... героин это такое дело, его так просто не сварить, – просветил общество чернявый. – В принципе процесс получения несложен, надо только...

– Заткни пасть, – мрачно, уже не заикаясь, заявил Лом. – Дело-то важное. Слушайте, мы тут вчера под вечер такое видели, вы не поверите.

– Отчего ж не поверим, очень даже поверим, – кивнул Добрыня. – И что это было? Дева Мария на дельтаплане явилась или новогоднее поздравление президента России с небес донеслось? И что вы при этом курили, тоже расскажите – нам очень интересно.

– Гы! Добрыня шутит! – осклабился Кислый. – Там не вертолет, там дело круче. Там туча хайтов. Офигенная туча.

– Так и было, – подтвердил Лом. – Там их столько, что даже считать страшно было. Ели ноги оттуда унесли.

– И где это было? – заинтересовался Олег.

– Напротив поселка Носова. Только на вашем берегу, – охотно ответил Кислый. – Мы там... у нас там дело было, чуть не попались к ним.

– Это что у вас, окурков, за дела там? – вскинулся Добрыня.

Лом, стараясь увести здоровяка от скользкой темы, поспешно затараторил:

– Да их там реально много. Вот будь у нашего Круга на голове волосы, вот их там столько, сколько бы у него волос было.

– Лысый как срака твой Кругов, – отмахнулся Добрыня. – Да и вы небось хайтов от ваксов отличить не можете.

– Обижаете, – обиженно протянул Кислый. – Мы весной в погребе не отсиживались, воевали на стене получше других. Вот и сейчас, как увидели их, так сразу подумали: «Небось эти гады собираются напасть на избушку дяди Добрыни и надо его предупредить». Ночь не спали, к вам бежали, помочь спешили, а вы... эх...

– Да и лодку нашу они замутили, – горестно сообщил Лом. – Думали, что вы взамен, может быть, дадите. У вас их полно, а нам как без лодки назад...

Жадноватый Добрыня и не думал расщедриваться:

– Может быть, это может быть, и вообще мечтать не вредно. Камень вам на шею взамен дадим – и плывите куда хотите. Только сперва покажете, где точно видели хайтов.

– Так я же сказал – напротив поселка Носова! – чуть не крикнул Кислый.

– Так от тех мест до нас часов пять-шесть ходу, это как же вы, торчки синюшные, всю ночь бежать могли?

Олег решительно поднялся из-за стола:

– Добрыня, я пойду с ними, сам гляну.

– Куда ты намылился?! Только с дороги же... Анька вон... ждет.

– Подождет еще немного, не умрет. Если это хайты были, то не пойму, как мы их сегодня не заметили, спускаясь к вам. Или темно было, или еще что. Да и первый раз слышу, чтобы они ниже Нары по нашему берегу лазили. Нет... я сам проверю...

* * *

Хайтов действительно было много.

Внизу, в долине ручья, копошилось не меньше пары сотен созданий Хайтаны. В основном здесь были раксы и триллы, но меж ними сновало десятка полтора бочкообразных «расшибателей стен». Млиш не знал, как называются эти существа, и земляне величали их амбалами, кинг-конгами, быками и другими подобными прозвищами. В этих краях до сих пор видели их всего один раз – при осаде большого поселка. Эти ходячие шкафы тогда с легкостью прорубали ходы в деревянных стенах. Вспомнив это, Олег нахмурился: единственная крепость на правом берегу – это поселок островитян. Если хайты притащили амбалов для преодоления стен, надо готовиться к неприятностям.

Кроме того, Олег понял, почему не заметил лагерь хайтов и их корабли – как раз напротив устья ручья тянулся длинный, лесистый остров, окруженный коварными мелями. «Варяг» обогнул его стороной, очевидно, и хайты его не увидели. С другого берега их и подавно не разглядеть – там как раз протянулись глухие плавни, люди туда никогда не заглядывали.

Кислый торжествующе обернулся к Олегу:

– Я же говорил! Эх вы – не верили!

Олег, вжимаясь в траву, чуть раздвинул стебли, взглянул вниз, хотел присвистнуть, но передумал и шепотом произнес:

– Ну не так уж их и много, но порядочно...

– А что это они там делают? – не унимался Кислый. – Вроде как копают ямы... Может, хоронят кого-то или клад зарыть приплыли?

– Уходим отсюда, – скомандовал Олег. – Пока нас не похоронили. Ползком уходим, если у них дозорные на холмах, то заметить могут. Доползем до тех деревьев, а там бегом до поселка...

– Меня уже запарило туда-сюда бегать, – чуть не хныча заявил Лом. – Третий раз уже за день, ноги отваливаются.

– Можешь с ними оставаться и заодно Кислого тоже с собой оставь. А я побежал – тут четыре часа ходу. Сам не пойму, как вы целую ночь убили на это...

– Так мы не местные, дороги не знали, – оправдался Кислый и с интересом добавил: – Глянь, еще один корабль к ним подходит!

Олег опять припал к своей «амбразуре» и опять чуть не присвистнул: Кислый оказался прав лишь наполовину – к лагерю хайтов и правда приближался корабль, но вот к Хайтане он не имел ни малейшего отношения.

– Это купцы с юга. Я думал, они вниз вернулись, а они, идиоты, поперлись к Сумалиду. Прав был Добрыня: мозгов у них нет.

– Хана им, – невозмутимо констатировал Кислый.

Хайты не спали и тоже заметили добычу. В три потока заструились воинские отряды, загружаясь в корабли. Не прошло и пары минут, как первый уже отчалил, направляясь на перехват. Купцы вели себя как на лодочной прогулке в центральном городском парке – и ухом не повели. Спали их наблюдатели или нет, но противника они рассмотрели слишком поздно.

Донесся тревожный звон судового гонга, на палубе закипела суматоха. Рулевые поспешно пытались развернуть корабль, остальные суетливо стягивали мешающий парус и садились за весла. Кто знает, может, и успели бы – галера все же побыстрее хайтанских корыт. Но не повезло – зря пошли в путь без местного лоцмана, да еще и держались возле берега.

Судно накренилось на левый борт, с разгона налетев на песчаную мель. Засело серьезно – несмотря на отчаянные попытки экипажа оттолкнуться назад, корабль даже не шевелился. В принципе засели нестрашно, час работы – и освободятся, но враг этого часа, естественно, не даст.

Олег внимательно проследил за коротким абордажным боем и понял, что с этими купцами островитяне больше торговать не смогут. Может, они и глупы, но дрались как волки – хайтам не пришлось обременять себя пленными.

- Отмороженные пацаны, – констатировал Лом. – Я бы на их месте сдался.
- Я тоже, – кивнул Кислый. – Этих гадов в сто раз больше.
- Олег покачал головой:
- Нет, не в сто... но все равно много. Хватит трепаться, уползаем.

* * *

Не отвечая на расспросы любопытствующих островитян и с трудом отправив взбешенную жену домой, Олег, таща за собой Кислого и Лома, вломился в избу Добрыни. Тут его будто ждали: помимо Добрыни за столом сидели отец Николай и Шульгин. Странная компания, но люди далеко не последние, и скрывать от них новости не стоило.

Прервав взмахом руки попытку Добрыни что-то сказать, Олег заявил:

- Хайты. Много хайтов. У них лагерь в устье Платинового ручья.
- Так это же совсем рядом, и берег уже наш, – нахмурился священник. – Ты уверен?
- Нет, – язвительно ответил Олег, – я это только что придумал – от скуки. Их там сотни две-три, на трех кораблях пришли. При мне перехватили корабль южных купцов.
- Не понял? – прогудел Добрыня. – Они же отплыли в обед. К себе пошли. А Платиновый ручей выше нас по течению.

– Не знаю, может, они заблудились или скорее решили все же попасть в Сумалид, но попались к хайтам. Те всех перерезали.

– Странно, что они так далеко высадились, – задумчиво произнес Добрыня. – Могли бы легко зайти прямо в Хрустальную.

– Думаю, они о нас вообще не знают, – уверенно заявил Олег. – Я понаблюдал за ними, они сюда, похоже, за платиной приперлись.

– Не понял? За какой такой платиной? – оживился Шульгин.

– Я в прошлом году на том ручье пару шурфов разведочных пробил. Там следов золото-добычи хватает, причем некоторые ямы выглядели свежими. Думал, что старатели держались там до последнего, и, значит, содержание золота там хорошее. Но оказалось, что золота в песке немного, зато полно платины. По моим прикидкам, в металле местном процентов восемьдесят платиноидов, остальное золото. Платину здесь не ценят – Млиш говорил, на юге за добычу платины в масле живьем варят, потому что ее фальшивомонетчики используют, так что добыча там бессмысленна, и больше я туда не совался. Но хайты собираются явно добывать песок, причем работают лихо. Уже пару старых ям расчистили и почти сколотили примитивную гидравлическую установку. Судя по тому, как четко действуют, у них все продумано и не первый раз этим занимаются. Похоже, следы старой добычи после них остались.

– И на кой же им эта платина? – удивился Шульгин. – Это же вроде металл просто для украшений, а эти твари их не носят.

Олег покачал головой:

– Основное применение платины – техническое. Это тугоплавкий, химически инертный металл с кучей уникальных свойств. Тигли, катализаторы, термопары...

Намечавшуюся лекцию решительно прервал Добрыня:

– Да какая нам разница, для чего она им? Пусть хоть жрут эту платину вместо сахара, нам-то главное, что они в пяти шагах от нас встали. Олег, как, по-твоему, – надолго они?

– Не знаю, они передо мной отчитываться не стали. Но обустраиваются на ручье с размахом: хижины ставят, навесы, даже вроде бы лагерь обнести частоколом собрались – в ближайшей роще колья готовят.

– Олег точно говорит, – поддакнул Кислый. – И еще землю таскают в одну линию, наверное, вал делать собрались.

– Не было нам печали, – вздохнул священник. – Олег, а эта платина, она что, только в одном месте здесь? Как-то это странно с их стороны в такую даль прийти за ней.

Олег пожал плечами:

– Я все знать не могу. На Земле платиноиды встречаются очень редко, потому и стоят дорого, здесь, думаю, скорее всего, тоже так. По-крайней мере золото тут редкость: нам просто повезло, что этот край наподобие Уральских гор – всем богат. На Урале, кстати, и золото и платина есть.

– В гробу я видал такое везение, – вздохнул Добрыня. – Не нужны нам такие «старатели» в соседях. Надеюсь, они еще не знают, что мы рядом.

– Я по пути охотников в лагере предупредил – никто в ту сторону не сунется. Но хайты нас или наши следы заметят быстро. Пришли они явно не на пару дней, значит, охотиться будут или просто шляться по округе. А у нас там неподалеку, в сторону Нары, лагерь лесорубов. Народа там сейчас нет, но поселок и вырубки не скрыть. Да и по Фреоне с левого берега рыбаки гоняют постоянно, лодки их и плоты обязательно засекут. В общем, отсидеться не получится.

Шульгин вкрадчиво произнес:

– Это почему не получится? Они далековато от нас, вряд ли заметят наш поселок по дыму из труб. Пусть даже месяц будут платину мыть, нам это не помешает – просто будем избегать тех мест. Они намоют платины и уйдут. Ну, может, поймают несколько рыбаков с левого берега. Но это же не наши ребята. Да и предупредить Кругова можно – он гонцов пошлет по левобережью, и народ не будет маячить перед Платиновым.

– Не все так просто, – мрачно возразил Олег. – Это же хайты...

– Ну и что?

– Ну и то, – буркнул Добрыня, – Заберут свою платину и вернутся в Хайтану. Там расскажут, что здесь полно людишек. Вернутся уже оравой побольше. А может, и вообще решили на год тут осесть, на Платиновом. Построят крепость, и станет нам вообще печально... с такими соседями...

– Они и так знают, что здесь люди есть, – возразил Шульгин. – Набег их лишь недавно отбили.

Олег, решив, что пора выразить вслух витавшую в воздухе мысль, спокойно произнес:

– Передавить их надо, пока частокол не построили. Тогда точно никому ничего не расскажут и в другой раз подумают – стоит ли местная платина таких хлопот.

Шульгин скептически поморщился:

– В другой раз припрется их тысяча, и весь берег очистят, чтобы не мешали платину копать.

– У страха глаза велики, – парировал Олег. – Мы здесь уже пару раз им разгром устроили, и до сих пор никаких «тысяч» не видели. Далековато им до нас. Да и не так они страшны. Их много, но все же не миллиарды, посылать огромные отряды им нелегко – иначе бы давно всех нас переловили. Сил у них ровно столько, сколько земель, потому они и не могут расширять свои границы. А если попробуют расширить, надо это в корне пресекать. Платиновый ручей наша земля, и платина там тоже наша. Нас здесь если всех собрать, то больше тысячи народа. Даже если левый берег не поможет, полторы сотни воинов выставим легко. И союзников новых в деле испытаем – две-три сотни ваксов скажу Муру привести.

– Дожили, – чуть не прошипел Шульгин, – с ваксами дружбу затеяли. Может, нам еще и с хайтами союз заключить?

– Я бы с удовольствием, – ухмыльнулся Олег, – вояки они неплохие.

– А я и не сомневался...

Лом, всю беседу переминавший с ноги на ногу, нерешительно протянул:

– Ну так раз такие дела, так, может, лодку нам выделите? Сами видите, не наврали мы, а без лодки нам на левый берег никак не попасть.

Добрыня зловеще улыбнулся:

– Гонцов пошлю сейчас к Кругову, за подмогой, вот с ними и переправитесь. Заодно уж своему мэру объяснишь, какие такие дела загнали вас на маковые холмы.

* * *

– Олег, а может... может, сядем на корабли и уйдем... на юг уйдем. Уйдем все. Там хайтов нет.

Прижав к себе жену крепче, Олег вздохнул:

– Ань... не ждут нас на юге. Мы везде чужие, и везде будут свои хайты. Сто раз уже это обсуждалось: нет у нас никакой альтернативы – надо просто стараться создать здесь что-то свое. Нам повезло, что людей здесь нет и никто нам не мешает.

– Ну конечно! Не мешают! Олег, оглянись: мы не живем... мы выживаем. Мы здесь уже больше года, здесь полно женщин, способных родить, и нет аптек... нечем предохраняться. Но детей почти не рождается... не до детей нам. А смертность какая... постоянно кто-то умирает от неизвестно какой болячки или паразита, даже врач с юга не может помочь, говорит, что таких болезней не видел никогда. Мы ведь чужие здесь, нет у нас иммунитета против местной дряни... Зимой каждую неделю похороны, да и обморозились многие, потому что одежды мало теплой. Я уж молчу о тех, кого убивают звери или враги. Мы сюда переселились с острова несколько месяцев назад, а на нашем кладбище уже десять могил. Мы заняты только одним – стараемся выжить. Все усилия, все мысли, все планы, все, чем мы живем, все подчинено одному – прожить хотя бы один день лишний. Мы не строим планы далеко наперед, живем одним днем. И это естественно – ведь если завтра на своих огромных кораблях придут хайты, все планы наши окажутся бессмысленными. Вспомни ту толпу, которую мы видели на их землях: даже половина того отряда, что прошел тогда мимо нас, с легкостью разобьет все наши силы, даже если соберем всех мужчин с обоих берегов и ваксов, которые присоединились к нам. Мы даже не сможем ничего сделать их кораблю, нас тогда чудо спасло, что он на мель сел.

– Чудо было рукотворным, мы сами его туда заманили, – возразил Олег.

– Ну какая разница, все равно случайность. Да и это кораблю не повредило, просто задержало, и мы смогли удрать. Да господи... о чем это я... Олег, тебя нет никогда дома. Ты постоянно пропадаешь в поездках... в опасных поездках. Встречая корабль сегодня, я тряслась от страха. Представляла, как на палубе тебя не найду, а все твои товарищи будут выглядеть печально и виновато отводить взгляды. И так каждый раз... Я могу остаться вдовой в любой момент.

– Красивой молодой вдовой, в этом есть свои плюсы, – ухмыльнулся Олег.

– Не ерничай! Глупые у тебя шутки! Ты просто дурак – так нельзя шутить! Олег, мне страшно, давай отсюда куда-нибудь уедем, где не будут умирать так часто.

Аня не выдержала, расплакалась. Прижав ее к себе еще крепче, Олег нежно зашептал:

– Дурочка ты у меня, ну куда же нам уходить? Ань, да, тут трудно, но это наша земля и деваться нам отсюда некуда. Ну припрямся мы на юг – и что дальше? Там мы никто, и прав у нас никаких. Понравишься ты местному «олигарху», свистнет слугам забрать тебя. Я, конечно, буду против. И выйдет гора трупов на десяток наших кладбищ. Это я так, к примеру сказал: на самом деле я, конечно, тебя и сам буду рад «олигарху» сплавить, найду там себе помоложе и посимпатичнее.

– Шутка не смешная...

– Ну... ну, солнышко, хватит рыдать. Уж обо мне точно не беспокойся, у меня жизнью больше, чем у кошки, ты же меня знаешь.

– Ага... знаю. Я помню, как тебя старуха ваксов чуть не убила...

– А ты злопамятная у меня!

– А ты клоун самовлюбленный. Олег, ты же опять в бой пойдешь, к этим хайтам. Олег, я хайтов боюсь до истерики.

– Да все их бояться... А деваться некуда... И не реви раньше времени, их там немного, и не особо сильны с виду... старатели, не воины... Передадим этих легко.

– Передадите этих, приплывут другие. Что им стоит прислать пятьсот или тысячу воинов. Ты же сам видел, сколько их там, в той степи. Если они не вернутся с этой проклятой платиной, они обязательно захотят узнать, что случилось. И пошлют тысячу.

– Будь у них лишняя тысяча, давно бы прислали. И вообще мы уже не те, какими были год назад. Тогда набег шайки ваксов казался катастрофой. Мы стали сильнее и скоро станем еще сильнее.

– Неоткуда нам силу брать... нас больше не становится.

– Ошибаешься. Времена меняются – народ начинает собираться в поселки, жить поодиночке и малыми группами теперь не модно. Да и народ уже не тот, что раньше: подучился воинскому делу, лучники уже не экзотика, за меч, все знают, с какой стороны братья. Доспехов пока маловато, но кожанки, считай, у всех, щитов много, шлемов. У нас появляется новое оружие: арбалеты уже не редкость, а на стенах вон сколько метательных машин. Скоро, если все будет хорошо, у нас и огнестрельное оружие будет. С мушкетами вообще хайтов можно не опасаться.

– Правда? У нас ружья будут?

– Мы там, на разломе, нашли селитры пару вагонов. Этого хватит, наверное, на сто тонн пороха, если не больше. Там же нашли немало хороших заготовок под стволы: перфораторные штанги, буровые трубы, в вагоне с металлоломом даже несколько пушечных стволов старых. Так что и пушки, и мушкеты у нас скоро будут. Знаешь, что будет с толпой из сотни хайтов, если в нее с дистанции метров в сорок дать залп из трех десятков мушкетов?

– Не знаю.

– Не станет толпы. Их просто растерзает картечью. И что самое приятное: много ума, чтобы овладеть этим оружием, не надо. Не надо даже стрелять уметь метко – лишь бы направить в нужную сторону.

– Умеешь ты успокаивать... А может... может, подождем, когда эти мушкеты сделают, а потом вы нападете на их лагерь?

– Вот, блин... дались тебе те хайты... Спи давай, плакса, этих старателей мы и без мушкетов спокойно передадим... голыми руками...

Глава 4

Макс покосился в сторону пленника и внутренне содрогнулся. Не так уж давно он сам так же кормил муравьев – невольно вспоминаешь об этом кошмаре, глядя на подобное зрелище.

Пленник держался стоически – вот уже пару часов без звука кормил насекомых, явно решив молчать до упора. Люди Бума почти все уже спали, лишь тройка самых азартных продолжала по десятому кругу проигрывать друг другу трофейные вещи, отобранные у пойманного стрелка. Сам Бум, присев на седло рядом с пленником, вот уже час неугомонно сражался с лошадиными мослами, выковыривая из них мозг. Судя по всему, это занятие не надоест ему никогда. Земляне и кшарги тоже спали или, по крайней мере, дремали, лишь Макс с Дубиным терпеливо продолжали ждать результатов допроса захваченного врага. Вопреки своей природе не спали и муравьи, продолжая мстить за причиненные им разрушения. В принципе им теперь и негде было спать – конус их мегаполиса был скрыт до основания и высыпан на тело пленника.

Бум, отбросив опустошенную кость, издевательски ласково произнес:

– Дружище, я вижу, уже стемнело, муравьи отдыхать потянулись, а язык у тебя так и не развязался. Что ж... раз по-хорошему ты не понимаешь, будем по-плохому. Гурк, хватит кости трясти. Накали-ка стилет на огне получше и выжги ему для начала левый глаз. Ури, а ты ему пока веки отрежь, чтобы взгляд не воротил.

– Как скажете, сир, – буркнул слуга рыцаря и, достав из-за голенища длинный кривой нож, направился к пленнику.

То ли муравьи все же покончили с остатками упрямства, то ли несчастный просто не был готов психологически к подобному членовредительству, но играть в молчанку перестал:

– Стойте! Не надо! Меня зовут Рицо, я человек барона Пигируса.

– Пташка зачирикала, – осклабился Бум. – А скажи-ка мне, Рицо, почему это ваш барон разбойничает в лесах здешних? Или обнищал до того, что с бродяги готов штаны драные стянуть?

– Барон Пигирус не разбойник! – возмущенно вскинулся пленник.

– Это как же не разбойник?! Ты нам сказал, что из его людей будешь, и при этом мы видели, что ты разбойничаешь. Если у рыцаря люди разбойники, то рыцарь или повесить их обязан, или сам должен привыкнуть к тому, что он теперь разбойник.

– Я не разбойничал, – мрачно-упрямо заявил Рицо.

– Да что ты говоришь! Скажи еще, что наши лошади от сапа сдохли! Ты и твои дружки-ублюдки второй день уже по нам из кустов стреляете при любой оказии. У нас уже почти лошадей не осталось – или пали от стрел ваших, или разбежались в суматохе. Ты, дружок, не просто разбойник, ты еще и конокрад. А знаешь, что в краях наших с конокрадами делают?

– Вешают за шею. Так же, как и тех, кто чужих жен ворует.

Бум покачал головой:

– Вот как ты заговорил! Что-то я не припомню, чтобы я у барона Пигируса жену умыкнул. Да, я, конечно, не евнух, всякое бывало, но, насколько знаю, Пигирусы – это род из центральных лордств, а меня там никогда не бывало. Так что разбою твоему нет оправданий, и быть тебе в петле, если так и дальше будешь ерунду языком молотить. Говори же, зачем твой ослоподобный барон послал вас за нами?

Пленник упрямитесь не стал:

– Барон Пигирус послал нас в лес, чтобы найти ваши следы, сир Бум. Вас видели у замка Шифки, нам повезло, что мы были рядом и у нас хорошие проводники. Когда мы поняли, что вы уходите на запад, то сир Орус решил убить ваших лошадей, чтобы вы не смогли уйти далеко. Войско герцога Нирусватуса недалеко, а с ним и наш барон. Мы преданные ему люди и просто делаем то, что велел делать наш господин.

– Проклятье! – взревел Бум. – Вы, каналы, могли бы проявлять поменьше рвения при этом! У нас осталось всего восемь лошадей на весь отряд, да и то все раненые. Хуже нет для рыцаря, чем пешком по лесам бродить.

Дубин, ничего не поняв из допроса пленника, склонился к Максусу:

– Что они там говорят?

– Да из-за пристрастия Бума к чужим бабам все наши беды нынешние. Кто-то из людей Шифки, думаю, узнал нашего рыцаря и стукнул об этом людям герцога. Те послали вслед этих молодцов, чтобы они нас задержали в лесу. Вот они и стреляли по лошадям, не трогая людей.

– Ни фиги себе не трогая! У нас уже семеро раненых!

– Ну стрела это дело такое – летит не всегда туда, куда хотелось бы. Да и сам посмотри: у нас осталось восемь лошадей, а было сорок. При этом есть еще пять коров, а пропала лишь одна. Все лошади ранены, а корову лишь одну лечить пришлось.

– Да... странно, что сами этого не заметили... Нас и правда стараются задержать.

Бум тоже обернулся к Максусу:

– Плохо дело. Пешком нам не уйти от погони. Думаю, люди барона или самого герцога уже в затылок дышат. Уж очень серьезно они за нас взялись.

Пленник, решив, что настал его звездный миг, заявил:

– Его светлости герцогу Нирусватусу нужна лишь голова сира Бума. Принесите ее в мешке, и он наверняка помилует остальных. Ну разве что уши отрежет или выпорет.

– Я тебе сейчас отрежу все, что можно у мужика отрезать, – пригрозил Бум.

– У вас нет другого выбора, – упрямо гнул пленник. – Барон Пигирус со своими вассалами пошел к Рыбице рысью, не жалея лошадей. Ему не надо было крюк к Шифке делать. Так что у брода вас будет ждать его отряд. Луга вокруг Рыбицы по нашему берегу просторные, есть где разгуляться. У вас восемь полудохлых кляч осталось, а у нашего барона семь рыцарей, с ними оруженосцы и свита. Втопчут вас в траву, как жаб.

Бум пнул пленника по макушке, заставив замолчать, и обернулся к Максусу:

– Самое время вам подумать, что делать дальше. Или режьте мне голову, или надо не попасться на глаза этому сыну ублюдка Пигирусу.

Пойманный лучник зашипел:

– Когда придет время суда, я расскажу барону, как ты его оскорбил. Смерть твоя будет собачья, позорная!

Рыцарь без слов вытащил меч, коротко рубанул пленника в горло:

– Наконец-то заткнулся! – хохотнул Гурк.

Бум, не обращая внимания на агонизирующее тело, корчащееся у ног, вновь обернулся к Максусу:

– Ну что решать будем?

Макс пожал плечами:

– Нас мало, бой мы не потянем. Надо поворачивать на юг и переходить Рыбицу выше их засады.

– Плохая идея. Через Рыбицу один брод, на ее повороте. Кратчайший путь к Фреоне... так говорят. Если переходить ее выше, в самые болота уткнемся. Что там ваши кшарги про эти болота говорят? Знают они там тропы?

– Вряд ли. Им незачем туда соваться. Говорят, эти болота опасны и непроходимы.

– Эх... лучше голову отрежьте... ненавижу болота...

* * *

Добрыня присел на скамью и кивнул Олегу:

– Вот, это наш химик, Серега, про которого я тебе говорил.

Плюгавенький мужичок суетливо кивнул в знак приветствия, обернулся к Добрыне:

– Я еще не подобрал точную пропорцию, но вроде бы эта селитра хорошая. Вот смотрите.

Покопавшись среди множества плошек и кувшинчиков, расставленных на столе, химик выставил тарелку с горкой серого порошка.

– Подождите минутку, я светильник принесу.

Проводив взглядом спину специалиста, скрывшегося в сарае, Олег поморщился:

– Ну и воняет же здесь.

– А чего ты хотел... это же кожевня. Потому за стенами и работают, иначе в поселке не продохнуть будет.

– Не внушает мне доверия этот химик. Я порох черный видел: он не так должен выглядеть.

– Критику разводить легко, а ты вот найди мастера получше.

Пороховых дел мастер выскочил из сарая, поспешно плюхнул на стол жировой светильник, зажег от него лучинку, поднес к тарелке. Серая кучка зашипела, выбросила язык пламени, пробушевав секунды две-три, оно резко пошло на убыль, оставив после себя жалкое пятно дымящегося шлака.

– Вот, вроде уже получше горит, – обрадовался Сергей.

Олег хмыкнул и поинтересовался:

– А ты вообще откуда химию знаешь? Учился? Работал?

– И учился, и работал.

– Что-то я у нас в городе пороховых заводов не встречал...

– Ну так небось завод безалкогольных напитков знаешь, вот там я технологом и работал.

Олег покачал головой:

– Дерьмо это, а не порох... Серега, лучше бы ты на динамитной фабрике работал – я в детстве и то лучше делал разную гадость для бомбочек.

– Ну так я пропорцию точную не знаю, надо подбирать, – начал суетливо оправдываться «химик». – И вообще, вы много от меня хотите: да никто в наше время подобное делать не может. Нет таких людей. Надо все придумывать заново.

Из-за спины радостно донеслось:

– Здравствуйте, дяденька Добрыня!

Лидер островитян чуть не поперхнулся:

– Кислый! Лом! Мать вашу! Вы какого здесь делаете?! Я же ясно сказал вам с гонцами убираться!

– Так мы пропустили их уход, – подчеркнуто-виновато ответил Кислый.

– Ну амба вам, торчкам! Связанными отвезу и сдам Кругу!

– Дядя Добрыня, ну что вы такой злой. Мы же вам помогли, жизнями рисковали ради вас. Что вам стоит поделиться одной-единственной лодочкой?

Лом, подкравшись к столу и осмотрев выставку химикатов, с любопытством поинтересовался:

– А че это вы тут делаете?

– Кружок «Юный химик» у нас тут, – буркнул Добрыня. – Пока дармоеды вроде вас под ногами путаются, мы делом занимаемся, порох пытаемся вот сделать.

– А чего тут пытаться? – недоуменно протянул Лом. – Берешь и делаешь.

– Ну раз ты такой умный, может, сам и сделаешь? – въедливо предложил Добрыня.

– Не вопрос, – небрежно заявил Лом и бесцеремонно расположился рядом с Олегом.

Глядя, как ловко он завозился с посудой, островитяне переглянулись и без комментариев стали следить за действиями Лома. Тот быстро, но без суеты, что-то смешивал, толлок, просеивал через чайное ситечко, из плошки светильника временами капал жидким жиром и даже

плюнул пару раз. Высыпав приготовленную смесь на жестяную лопатку, он, постоянно потряхивая, подсушил ее над пламенем и лениво заявил:

– Вот вам и порох. Дерьмо, конечно, но на нормальный состав тут у вас кое-чего не хватает.

Добрыня, сунув нос в лопаточку, недоверчиво буркнул:

– Да это чай какой-то... гранулированный. Торчок ты конченный, как у тебя совести хватило нам голову морочить? Ты же даже взвешивать ничего не стал, смешал все, что видел!

– А че тут взвешивать? Это ж не термит, отклонение на один процент легко допустимо. Вот сами смотрите, если не верите.

Лом сунул лучинку в лопаточку. Яркая вспышка заставила всех шарахнуться, под крышу навеса ушло облако дыма, на лопаточке осталось темное пятно нагара.

– Нормальный порох. Только грязноватый немного. Но за пять минут из этого дерьма лучше не сварганить.

Добрыня молча переглянулся с Олегом и вкрадчиво поинтересовался:

– Скажи-ка, Лом, ты что, химик по образованию?

– Не, я на экономиста учился... только недоучился.

– А откуда знаешь, как порох делать?

– Так чего тут знать? Три компонента, пропорция легкая, почти все в селитру идет, просто перемешать получше и на гранулы пустить.

Кислый решил отрекламировать товарища:

– Лом у нас головастый, вы не смотрите, что тормознутый немного. Он, если надо, из табуретки что угодно замастырит, хоть героин!

– Сам ты тормоз, – огрызнулся Лом. – Но вообще-то да, талант у меня к химии. Хотя насчет табуретки ты и загнул... Правда, кому надо, тот и электрической лампочкой сможет вставиться, главное знать как. Добрыня, ну так как там насчет лодки?

– Да погоду ты со своей лодкой! Ты мне вот что скажи: а тонну пороха сможешь сделать?

– Г... вопрос. Но это не за пять минут. Селитры нужно будет такой же под тонну. Ну и по паре центнеров угля и серы этой. Серу еще почистить надо будет. Не, она, конечно, хорошая, но мусора много. Проварить ее и расплав через сито пустить. Осадок не трогать, а летучие примеси если есть, то сами уйдут. Ну и масло нужно нормальное, а не эта параша из лампы. Сито тоже побольше надо, а то в этом чайном ситечке четыре горба заработаешь, если тонну через него перетрясешь.

Добрыня застучал пальцами по столу, будто на пианино играя, и, сверкая глазами, лихо-радошно спросил:

– Лом, а вот ты, к примеру, динамит смог бы сделать?

– А чего там делать? Только смысла нет. Если уж делать, то пластик.

– Чего?

– Ну вы, Добрыня, и темный! Пластиковая взрывчатка. Тот же нитроглицерин, но с нормальным пластификатором. По мощности ничего не теряешь, а хранить и использовать гораздо проще динамита.

– А снаряд для катапульты сможешь соорудить, с этой пластиковой взрывчаткой?

– Ну, корпус нужен и хлам железный под осколочную массу. Под детонатор пружина нужна будет и трубка, хотя можно тупо капсюль с фитилем поставить, это проще будет.

Олег уважительно поинтересовался:

– Слушай, Лом, и откуда ты все знаешь?

– Да так... в Инете нарыл, когда для себя инфу искал...

– Может, ты и бомбу атомную сделать сможешь?

– Не вопрос. Ее и дебил сделает. Там сложность не в бомбе, а в боевом изотопе. Получить его несложно, но надо перелопатить офигенную гору уранового сырья, отделяя двести тридцать

пятый от двести тридцать восьмого. Хотя можно и проще: сварить плутоний. Работы поменьше гораздо, но работа очень грязная.

Добрыня поднял руку:

– Тихо, Олег! Лом, я вот подумал, а на хрен вам назад, к Кругову переться вообще, ведь можете спокойно у нас остаться.

– Так у нас там хижина, вещи...

– Ваших вещей там стоптанные лапти и пара голодных тараканов. Выделим мы вам и вещи, и домишко. Голодать у нас точно не станете, да и работа будет интересная: вижу я, химия тебе нравится?

Лом нерешительно покосился на Кислого и, встретив в глазах товарища понимание, обернулся к Добрыне:

– Ну в принципе можно. Только в этом сарае я работать не буду, у меня уже нос отвалиться хочет от этой вонищи.

– А тебе и не придется здесь работать, для тебя мы новый сарайчик соорудим... чуть подальше от поселка... мало ли что. А заведовать кожаным производством у нас остается его старый начальник – Сергей.

* * *

Кругов пожал руку Добрыне, остальных островитян поприветствовал кивком. Указав рукой на берег, где из лодок высаживались его люди, мэр произнес:

– Со мной пришло восемьдесят человек.

– Негусто, – вздохнул Добрыня.

– А чего ты хотел? Сам просил притащить всех немедленно. Чтобы собрать народ со всех поселков, нам пара дней нужна, вот я и прихватил лишь своих.

– Да нормально. Хайтов немного, сотни две. У нас с вашими столько же наберется почти, да еще и Олега к ваксам послали, он толпу должен привести.

Кругов озабоченно нахмурился:

– Гонцы про вашу дружбу с ваксами рассказали, но мне до сих пор не очень верится... Наши на них очень злые... Прошлый год вспомни – немало наших к ним в котел попало.

– Помню... Ну так местных людоедов мы давили и будем давить. А эти южане, пришлые, с нами у них стычек не было. Они сами местных убивают, враги с ними. Круг, мы не в том положении, чтобы пренебрегать помощью, пусть даже такой. Или мало вас в тот раз хайты погоняли?

– Ну смотри... твои союзники, не мои. Теперь любой набег ваксов на них сваливать будут, сам еще пожалеешь, что дружбу с ними завел. Когда выступаем?

– Заночуете у нас, а утром вместе и выступим. Олег должен ждать нас у лагеря лесорубов.

– Хорошо. Что у тебя тут вообще новенького? Видели мы, «Варяг» пришел с Нары. Что привезли? Соль?

– Вроде того, – уклончиво ответил Добрыня. – Круг, кстати, мы тут наконец-то порохом занялись серьезно. Кузнецам задание дал стволы делать. Если все будет хорошо, скоро у нас артиллерия будет своя.

Кругов присвистнул:

– Неплохо. Только вы в этом деле немного опоздали. Про Монаха слыхал?

– Слыхал. Вроде он уже землян на севере всех подмял под себя.

– Может, и не всех. Но все равно у него людей очень много. Так вот, говорят, что у него огнестрельное оружие есть. Правда, не думаю, что много.

– Возможно, с Земли попало с кем-то?

– Может, и так. Но тогда непонятно, где патроны берут. Мы тут думали насчет пороха, но никто не представляет, как селитру добывать. Да и ствол выковать проблема... это тебе не топор...

Добрыне не терпелось похвастать Кругу привезенными «Варягом» вещами, особенно пушечными стволами, но он сдержал первый порыв. Не стоит всем трубить о своей удаче. Да и, если честно, нечем пока хвастать. Горстка пороха на тарелке и ржавый ствол противотанковой пушки – это еще не оружие.

Это лишь мечты о чем-то большем.

* * *

Лето выдалось засушливым, и реки серьезно обмелели. Рыбица не исключение: перекаты и мели оголились, заросли камыша и тростника оказались на суше. Течение здесь и в половодье не медленное, а сейчас вода чуть ли не ревет в узости съездившегося русла. Не лучшее место для переправы, но Бум выбрал именно его, мотивируя тем, что противоположный берег в этом месте лесистый, а не болотистый. Для Макса его логика была непонятна – все равно в болото влезть придется, так какая разница, но спорить не стал. А жаль: может быть, несчастная буренка выжила бы. Лошади, привыкшие к походам, переправились без проблем, а вот раненой корове не повезло.

Буренка оступилась, еще не дойдя до глубины, завалилась на бок. Народ, не ожидая от нее таких фокусов на мелководье, помочь животному не успел и лишь бранью смог отреагировать на ее поведение. Обезумевшее от усталости, боли и страха животное дернуло вниз по течению, в сторону переката, и вскоре ее жалобное мычание затихло.

Бум, добравшись до берега, уселся на седло, вытянул ноги, позволяя Ури надеть на себя сапоги. Обернувшись к Макс, весело прогудел:

– Не горюй по этой глупой корове: все равно бы сдохла. Жалеть надо об одном: о потерянной говядинке – эта конина уже поперек горла стоит. А это еще что? Гляди-ка кто пожаловал!

Обернувшись, Макс увидел стрелков. Неутомимые преследователи выбирались из леса, выстроились на краю луга, глядя на тех, кого преследовали. Их было всего семеро, хотя, возможно, показались не все – иной раз, попав под обстрел, Макс думал, что против них вышла целая сотня лучников.

– Как жаль, что между нами теперь река, – вздохнул рыцарь. – На лугу этим канальям от всадников не уйти.

Встав, Бум погрозил в сторону противоположного берега кулаком и проревел:

– Передайте вашему барону Пигирусу, что сыны его – содомиты поганые, дочери – дешевые блудницы, а жена и вовсе ведьма одноглазая! И когда-нибудь я до них еще доберусь – за каждую лошадку заплатят!

Лучники переглянулись и устроили короткую пантомиму. Один, развернувшись спиной к реке, стянул штаны, продемонстрировал белый зад, второй молча провел ребром ладони по горлу.

– Что они этим хотят мне сказать? – удивился Бум.

Макс охотно пояснил:

– Очевидно, говорят, что срать на вас хотели, и если поймают – прирежут.

– Ах вы ублюдки! Отродья грошовых шлюх! – взревел рыцарь. – И вы тоже заплатите за всех лошадок. Я, сир Бум, слов на ветер не бросаю! Ноги велю отрубить, и не сможете больше по лесу бегать! А тебя, беложопого, велю еще и как бабу попользовать!

Один из лучников не выдержал, выстрелил. Но расстояние слишком велико для прицельной стрельбы – стрела зарылась в песок в десятке шагов от рыцаря. Бум захохотал и, прекратив перепалку с противником, мрачно произнес:

– А теперь нам еще веселее станет. Без проводника суемся в болото, куда со времен сотворения мира никто не совался.

– Может, все же рискнуть и попробовать пройти вдоль реки? – предложил Макс.

– Нет. Не дадут нам они этого сделать. Кругом дозорных поставили, не пройти нам незаметно.

– Откуда знаешь про то, что они делают?

Бум, хохотнув, охотно пояснил:

– Да потому что я бы на их месте сделал именно так.

Глава 5

Мур, шумно приняхавшись, уверенно произнес:

– Друг Олег, тут рядом кто-то живет или жил.

– Да, здесь поселок. Наши люди здесь рубят лес зимой.

– До зимы далеко, но я чувствую много людей. Воняет живыми людьми.

– А уж как от вас-то несет! – в сердцах по-русски произнес Олег, а потом добавил на местном: – Там ждут наши воины, мы должны с ними встретиться в этом месте.

– Хорошо. Друг, я надеюсь, что твои люди не огорчатся тому, что я привел так мало воинов? Ты сказал, что надо идти быстро, а нам нужно время, чтобы собрать много воинов.

– Нет, Мур, не обидятся. Да и немало ты привел. Подожди меня здесь, я пойду вперед, поговорю с нашими. Боюсь, как бы вас не приняли за врагов.

– Друг, ну как нас можно перепутать с грязными и вонючими пещерными слизняками?! Да их даже блохи не хотят кусать!

– Мур, не обижайся, но для нас вы все на одно лицо. Не привыкли мы к вам еще.

Оставив местную армию в сосняке, Олег выбрался на вырубку, помахал руками:

– Не стреляйте, это я, Олег!

Из кустов на другой стороне вышел арбалетчик, махнул рукой:

– Видим! Проходи, тебя ждут давно уже!

– Иду. Если увидишь ваксов, не стреляй, это наши.

– Лишь бы палец сам не согнулся по привычке, – хохотнул стрелок.

«Войско двух берегов» расположилось в поселке лесорубов. Дома занимать не стали – погода стоит жаркая, но очаг летний уже развели – народ от безделья гонял чай. Кругов и Добрыня расположились на завалинке центральной избушки, и появление Олега прервало их долгий деловой разговор.

– Я привел ваксов.

– Много? – подскочил Добрыня.

– Двести четырнадцать, если не ошибся.

– Эх... а где же пять сотен обещанные?

– Такую толпу собрать время надо. Вон Круг тоже не смог всех привести по той же причине. Да и ваксы не те, что местные: покрепче, воинская выучка кое-какая есть, у многих металлическое оружие.

– Ты с клотами говорил насчет ваксов?

– Да, я заходил в их селение, говорил с их самками и Удуром.

– И что они?

– Да просто промолчали, это же клоты. Разве их поймешь. Ваксы и то проще, почти как мы.

Добрыня покачал головой:

– Если клоты начнут драку с народом этого Мура, ничего хорошего не будет – нам и те и те нужны.

– Будем надеяться. Я клотам про хайтов рассказал, они промолчали тоже. Но, надеюсь, со стороны реки помогут.

– Ладно, не помогут, так и без них управимся.

Кругов, не выдержав, встал:

– Вы долго тут языками чесать будете? Народ скоро засыпать начнет. Мы когда драться начнем?

Добрыня покосился на солнце:

– Да сейчас и начнем... больше нам ждать нечего – разведчики уже вернулись. Бог даст, так до вечера все кончено будет.

* * *

От поселка лесорубов до лагеря врагов было около пяти километров, но это невеликое расстояние войско землян и ваксов преодолело почти за три часа. Разведчики заранее высмотрели, где расположились вражеские наблюдатели, и выбрали маршрут, скрытый от глаз неприятеля. Вот и пришлось ползать по оврагам и прятаться за рощами. Хорошо еще, что особо высоких холмов здесь нет: один-единственный наблюдательный пункт на такой позиции мог бы растянуть путь еще дальше.

Олег двигался в авангарде и, хорошо зная здешние места, заранее остановил войско в укромной рощице:

– Все стойте здесь и не шумите. До хайтов полкилометра отсюда. Я схожу вперед, к разведчикам.

Добравшись до края рощи, к началу спуска в долину ручья, он огляделся, пытаясь понять, где здесь засели его разведчики. Куст барбариса задрожал, из него выполз Паук, помахал командиром:

– Олег, мы тут!

– Вижу. Как обстановка?

– Все как по плану – полное спокойствие. Похоже, они про нашу эльфийско-оркскую армию не узнали. Правда, отсюда всех их юнитов не разглядеть... далековато. Бинобль бы сюда поюзать... Мы же в разломе два нашли – в развалинах магазина, так что уже целых три есть. Почему не взяли один?

– Вот сам бы и позаботился. У меня всего одна голова, и та не от гения – за всем уследить не могу. Дай-ка гляну, что они там делают.

Высунувшись из кустов, Олег нахмурился – хайты эти два дня без дела не сидели, и успехи у них были грандиозные. Они успели построить не просто лагерь, а чуть ли не крепость. Натаскали грунта от разработки, насыпали из него метровой высоты вал, ошестинившийся в несколько рядов наклоненными, добротнo заточенными кольями. Архитектура внутри укрепления в точности копировала поселения, встреченные им в степях Хайтаны: шалаши, хижины и навесы, выставленные будто под линейку. На каждом углу наблюдательная вышка. Выход всего один и легко перекрывается рогатками из кольев – будто противотанковые ежи.

Но все же основная их деятельность заключалась не в строительстве – они действительно пришли за платиной и, надо сказать, добывали ее очень резво. Объем выполненных ими работ впечатлял: русло ручья отвели в канаву, расчистили две старые ямы и, судя по конусам чистеньких камней, успели промыть немало песка. Возле искусственного русла стояло две длиннющие деревянные колоды, к ним издалека, от верховьев ручья, тянулись водоподводящие желоба, а от рудника струились сплошные цепочки носильщиков, доставляющих корзины с грунтом.

Олег осторожно, стараясь не задевать ветки, выполз из кустов, завистливо произнес:

– Эх! Если бы наши так быстро все делали, мы бы уже в небоскребах жили, а золота по тонне в месяц добывали.

– Да, навыки рудокопства и строительства у них прокачаны хорошо, – согласился Паук. – Ну что? Армагеддон будет сегодня или отбой?

– Будет, – твердо пообещал Олег. – Зови остальных, и пошли за мной... сейчас начнется.

* * *

Долина Платинового ручья, как и долины большинства других ручьев в округе, мало подходила для проведения масштабных батальи пехоты, а коннице здесь и вовсе делать нечего. Склоны крутые, местами чуть ли не ущелье, вдоль русла тянутся сплошные заросли ивняка, повыше чащобы колючего, спутанного кустарника, окружавшего каменистые проплешины. Кое-где, на ровных участках, крошечные рожицы кривых деревьев – вокруг них кустарник еще гуще. Ручей бежит бодренько, но ближе к устью успокаивается, разливается вширь, а в дельте протянулся зеленый болотистый луг.

Обстановку хорошо охарактеризовал Кругов:

– В канаве придется драться.

Будь у землян сотня хороших стрелков, перебили бы всех сверху без проблем, но, увы, – лучники дальше пятидесяти метров в слона нечасто попадают, а арбалетки лишь немногим лучше. Пока доберутся на расстояние выстрела, враги сто раз подготовиться успеют и пошлют наверх отряды пехоты. Среди кустов гориллам-раксам раздолье будет, а вот стрелкам несладко придется.

Добрыня решил принять бой на лугу.

Войско землян и ваксов скатилось с холма к берегу Фреоны, при этом ваксы с завываниями понеслись к кораблям, а люди принялись строиться между крутым склоном долины и ручьем.

Олег, натягивая тетиву, крикнул:

– Добрыня, здесь было три корабля, а сейчас всего два! Одного не хватает!

– Да и хрен с ним! Зови назад своих ваксов – неужто они еще часовых на кораблях не перерезали?

Обернувшись к Фреоне, Олег заорал:

– Мур! Бегите к нам! Быстрее, враги рядом!

Ваксы, подгоняемые бранью и оплеухами вождя, неохотно потянулись от кораблей – не так-то просто отказаться от планов разграбить эти посудины до кончика киля.

До лагеря врагов было около полукилометра, и снизу невозможно было разглядеть, что там происходит. Но не заметить нападение хайты не могли – теперь оставалось ждать их атаку.

Люди выстроились в несколько рядов – стрелки впереди, за ними замерли воины с топорами и копьями, да и мечей немало. Ваксы, бестолково пометавшись, сгруппировались на левом фланге войска, на крутом склоне долины. Звенело оружие и амуниция, кто-то нервно насвистывал, над шеренгами стоял суматошный ропот – народ уже накачался адреналином в предвкушении схватки, а враг не появлялся.

Добрыня подскочил к Олегу:

– Да где они? Уже минут двадцать стоим! Может, наверх поперлись и сбоку по нам ударят?

– Вряд ли, мы бы их увидели, если бы они вверх по склону пошли, – возразил Олег. – Наверное, просто готовятся... куда им спешить.

– Мы тут до вечера стоять не можем, у народа поджилки начинают трястись. Хуже нет чем неизвестность! Бери лучников и выступай им навстречу. Глянь, что они там делают. Если они все еще собираются, подгони стрелами, но только издали. И назад бегите. Может, часть самых нетерпеливых за вами увяжется, и положим их тут.

Выскочив из строя, Олег прокричал:

– Лучники, за мной!

Пара десятков островитян отделилась от войска, припустила за ним.

Под ногами чавкала вода, местами ноги увязали по колено – здесь не побегаешь. Лишь через сотню метров Олег добрался до более-менее сухого места. Дальше пошли по широкой тропе, протоптанной в ивняке хайтами.

– Держитесь настороже! В зарослях могут триллы прятаться, не поймайте дротик задницей!

– Хайты! – истерически вскрикнул один из стрелков.

Олег и сам их уже увидел – густая толпа врагов шагала навстречу по той же тропе. Натянув лук, он поспешно выпустил стрелу, небрежно прицелившись в самую гущу врагов, и заорал:

– Все назад! Бегом назад!

Впрочем, приказ был излишним – большая часть лучников уже драпала, лишь несколько рискнули задержаться для выстрела.

За спиной донесся дружный яростный вопль сотен хайтов, впереди, отвечая им, не менее дружно завопили люди и ваксы, лишь бегущие лучники хранили молчание.

Высочив на луг, парень, бегущий перед Олегом, оступился на кочке, плюхнулся в мокрую траву. Олег, не успев среагировать, споткнулся о него, тоже грохнулся. Едва поднялся, как рядом, на излете, просвистел дротик, с чавканьем воткнулся в болотную почву.

– Хороший бросок! – нервно хохотнул Олег, продолжая бег.

За спиной чавкнуло еще раз – рановато триллы начали стрелять. Ворвавшись в шеренгу арбалетчиков, Олег развернулся, выхватил из колчана четыре стрелы. Три воткнул в землю, четвертую наложил на тетиву. На ходу прокомментировал свои действия:

– Не думаю, что успею выстрелить пять раз.

Его никто не слушал – в последние мгновения перед схваткой людям было не до разговоров.

Лавовый поток хайтов выплеснулся с тропы, растекаясь, понесся по лугу. Несколько триллов упало; не обращая на них внимания, по ним, громыхая досками доспехов, пронеслись раксы.

Завидев врага, ваксы завопили пуще прежнего, да и люди от них не отставали. Чуть не оглохнув от рева сотен глоток, Олег спустил тетиву. Захлопали луки и арбалеты остальных стрелков – посыпались первые триллы, в хор ярости вплелись первые нотки боли и смерти. Вторая стрела ушла в толпу так же бесследно, а вот третью Олег уже увидел – прицельно вбил ее в грудь долговязому метателю дротиков. Трилл сложился пополам, изломанной куклой кувыркнулся через голову, оставшись корчиться в луже, Олег потянулся за последней стрелой: он угадал, больше выстрелить не успеет – вокруг засвистели дротики.

Стрела пробила голову еще одному метателю – промахнуться с такой дистанции было почти невозможно. Перекидывая лук за спину, Олег развернулся, бросился назад, заорав уже на бегу:

– Все назад! Все за щиты!

По-детски заорал первый раненый, следом закричало еще несколько. Олег напрягся, мечтая об одном – если и поймает гостинец от триллов, то пусть в спину. Кольчугу дротик не пробьет, лишь синяк черный оставит, а вот получить иззубренный, грязный наконечник в бедро – это зачастую та же смерть, только долгая.

Достигнув шеренги воинов, Олег проскользнул между расступившихся щитов, выхватил меч, развернулся. Эх... вот сейчас бы войску людей пару десятков мушкетов хорошего калибра – одного залпа хватило бы. Хайты растеклись по лугу, неслись толпой рассерженных муравьев – никакого порядка или подобия строя. Триллы оказались впереди лишь благодаря своим легким ногам – ракам за ними никак не угнаться.

По щитам густо застучали дротики, заорали новые раненые. Строй землян ошетинился копьями. Вовремя – передние, самые прыткие раксы повисли на остриях. Следом налетела вся толпа.

Шеренга щитоносцев дрогнула, попятилась назад, не в силах сдержать напор врагов. Воин, стоявший перед Олегом, яростно закричал, пытаясь высвободить схваченное кем-то копьё, оступился, припал на колено. Сверкнуло лезвие секиры – раскололо щит пополам, будто сосновую чурку. Ракс, ударом ноги сбив парня на землю, ворвался в строй землян, поднял секиру для нового удара, но на этом его бой закончился – повис на копьях воинов второй шеренги.

За ним, не давая прорехе в строю затянуться, ринулись еще двое. Одного так же успели пригвоздить копейщики, а вот до второго уже дотянулся Олег – удачно вбил лезвие в шею врага, хорошо ощутив, как сокрушаются хрящи, пропуская металл между позвонков. Вояка, лишившийся копья, снизу резанул ракса в брюхо ножом, получив на голову водопад из склизких внутренностей.

Помогая воинам, Олег уперся в спину щитоносца, не давая ракам его опрокинуть. На какой-то миг схватка практически затихла: оба войска занимались «перетягиванием каната» – раксы давили в одну сторону, люди в другую. В такой тесноте оружием особо не размахнуться, разве что ухитриться по ногам резануть. Триллы, выпустив запасы дротиков, бестолково метались позади своей тяжелой пехоты, по сути, бой для них закончился – в рукопашной им места нет.

Неизвестно, чем бы закончилось это «передавливание», если бы не ваксы. Муру надоело пугать врага криками, и он, увлекая своих воинов, ринулся вниз. Большая часть дикариного воинства принялась гоняться за триллами, но часть, подгоняемая пинками вождя, ударила раков в спину.

Напор хайтов в этом месте тут же прекратился – гориллы развернулись, кинулись на обидчиков. Их порыв заразил и всех остальных. Добрыня что-то заорал, пытаясь сохранить строй, но тщетно – бой уже вступил в ту стадию, когда приказы бессмысленны.

Люди, продолжая по привычке давить на противника, не поняли, что обстановка изменилась, неорганизованно рванули вперед. Не ощущая сопротивления, некоторые попадали, о них споткнулись те, кто давил в спину. Олег, чудом не попав в такую куча-малу, проскочил вперед сквозь прореху в распавшемся строю, мельком оценил обстановку, требовательно взревел:

– Вперед! Мочи козлов!

Вряд ли кто-то его послушался – все и без того были заняты истреблением раков.

Гориллы, эти грозные воины, попав между людьми и ваксами, явно растерялись. Их, очевидно, не учили сражаться на два фронта – все, кто уцелел, инстинктивно рвались к ручью, там не было противников.

Олегу даже не давали ударить – копейщики, азартно вскрикивая, подкалывали хайтов на бегу. Многие уже бросили мешающие щиты – держали оружие двумя руками. Будь у врага командир, сумевший объединить пару десятков раков, те бы бед наделали...

Вернув меч в ножны, Олег достал лук – толку больше будет. В спину отступающим ракам полетели стрелы. Увлекаемые его примером, остановились и другие стрелки.

Доспехи раков устроены примитивно и защищают слабо. Спина и вовсе почти голая: твердая кожа наконечник не удержит – раксы посыпались десятками, истребляемые совершенно безнаказанно. До ручья добежало не более трети врагов – тут уж вовсе началось избивание младенцев. В дельте русло было заилено на совесть, и тяжелые враги оказались в топкой ловушке.

В спины, плечи и головы барахтающихся врагов полетели в упор стрелы и копья, кое-кто не пожалел бросить топор, а один вакс, от избытка чувств, раскрутил за ногу труп трилла, бро-

сил чуть ли не до противоположного берега, после чего поспешно нагадил в ладонь и швырнул эту гнусность в голову ближайшего раксы.

Олег, стреляя как заведенный, опомнился, лишь когда рука, потянувшись к колчану, не нашла оперенного древка – боеприпасы закончились. На его глазах до противоположного берега каким-то чудом добрался единственный раксы, наполовину выполз из воды, да так и замер – спина у него была как у дикобраза. Лишь несколько триллов, пользуясь своей быстротой, смогли укрыться в кустах, но за ними уже устремились ваксы – эти ребята по следам рыбу в воде найдут.

Позади послышался нестройный, странный хор, так орут лягушки в пасти ужа. Олег обернулся и увидел, что на тропе показались амбалы. Самые тяжелые воины врага были и самыми тихоходными, и, пока добежали до места, битва как таковая уже окончилась. Страшно подумать, что бы они натворили своими секирами и булавами под полцентнера весом, если бы врубались в строй земного войска. Счастье, что враги ударили так поспешно, не собравшись.

Оставшись без прикрытия раков и триллов, кинг-конги хайтов умерли жалко, им даже не дали никого ударить – тупо расстреляли издалека, после чего докололи копьями.

Победа была полная.

* * *

В крайних хижинах не нашлось ничего интересного – тростниковые стены обмазаны глиной, несколько лежанок застелены камышом, ветками и травой. Центральная, самая большая, оказалась поинтереснее – судя по всему, это был склад. Добрыня разрезал один из мешков – на земляной пол посыпалась засушенная до деревянного состояния мелкая рыбешка. Олег заглянул в единственный деревянный ящик, вытащил увесистый кожаный мешочек, развязал, зачерпнул горсть сероватых зернышек:

– А вот и платина.

– Похожа на опилки железные, – без интереса отозвался Добрыня.

После боя он, как и многие, вел себя апатично – адреналиновый взрыв прошел, эйфория тоже, начался естественный «откат». Олег, понимая это, не обижался на молчание или односложные ответы друга.

В хижину заглянул Мур, разочарованно доложил:

– Дома все пустые – украсть нечего. Друг Олег, а что это тут за мешки?

– Еда хайтов.

– Это хорошо. Теперь их еда стала нашей. Друг Олег, мои воины очень хотят знать, что им достанется из добычи, взятой в этом бою?

– Еду всю забирайте. И что на кораблях нахватили, тоже ваше. Оружие сложим все в кучу – половину заберете себе тоже.

– Друг, спасибо, это очень щедро.

– Не в щедрости дело. Твоим воинам нужно металлическое оружие, я видел, как ломались ваши каменные копья о доспехи раков.

– Да. Мы теперь заберем себе их топоры и будем еще сильнее. Хорошо бы еще найти их вожда и вырезать печень и сердце. Может, в такой мелочи ваши духи не откажут?

Олег не успел придумать подходящий ответ – в хижину заглянул мрачный Кругов. В бою мэру дротиком порвало ухо, но Олег почему-то понял – причина его мрачности не в ране. Так и оказалось.

– Там ваш Удур пришел на берег. Сказал нашим, что третий корабль ушел на левый берег, высадил там отряд хайтов за плавнями. Говорит, что его клоты передружили охрану, и корабль этот захватили, но вот отряд тот уже ушел далеко в лес... на наши земли. Там их и встретить некому – всех своих я сюда привел...

Добрыня переглянулся с Олегом и твердо заявил:

– Круг, ты нам помог, и мы вас не бросим. Сейчас соберем отряд вам в подмогу, и переправитесь на левый берег. Олег поведет.

– Спасибо, – коротко поблагодарил мэра.

– До поселка нашего далековато, возьмем один из захваченных кораблей, – предложил Олег. – Хайтов большинство мы перебили, думаю, на левый берег ушло пятьдесят – семьдесят, не больше. Справимся с ними без труда.

– Чего их вообще туда понесло? – вздохнул Добрыня. – Неужто и там платина есть?

Олег пожал плечами:

– Откуда нам знать, что у них на уме. Добрыня, я тогда пойду выберу людей. Сколько брать?

– Человек тридцать – сорок бери, на свое усмотрение. Если задержитесь больше чем на три дня, гонца пошли, чтобы не волновались попусту.

– Может, взять пару десятков людей и столько же ваксов? В бою они неплохо себя показали, пусть познакомятся с левым берегом на случай набега. Да и местные пусть привыкают, что не все ваксы враги.

– Добро. Давайте тогда шевелитесь. Уж вечер скоро, а вам еще переправляться. А мы сейчас все тут сожжем, а потом к поселку выступим.

Глава 6

Очередная пиявка впилась под колено. Макс досадливо вскрикнул, выдернул ногу из черной жижи, закатал штанину, сыпанул на присосавшуюся гадину соли. Мерзкий червь задержался, прекратил свое занятие, скатился в воду.

Немолодой кшарг, проследив за действиями землянина, неодобрительно покачал головой:

– Соль на пиявок этих переводить сильно уж накладно. Надо бы золы припасти для этого – золу они тоже не любят.

Макс нервно хохотнул:

– И где же мы тут костер разведем? Разве что на твоей голове.

Бум, единственный из отряда, кто упрямо продолжал восседать на лошади, добродушно произнес:

– Доктора пиявок за хорошие деньги ставят больным, особенно помогает от мужской немощи. Так что все только к лучшему – как выберемся из этой лужи, так сразу и по бабам.

Гурк, снимая пиявку с голени, горестно вздохнул:

– Сир, если мы не выберемся отсюда, эти твари высосут из нас всю кровь до последней капли. И не видать нам баб, если, конечно, кобыл бабами не считать.

– Гурк – твой язык черен, как дохлый ворон. Мы уже развернулись к западу, кшарги говорят, что до Фреоны это болото не дотягивается, так что скоро выберемся на сушу.

– Вашими бы устами, сир... – тоскливо вздохнул воин.

Макс, оглядевшись по сторонам, не заметил никаких изменений. Все та же черная болотная пустошь. Местами поблескивает вода, зеленеют протоки, затянутые ряской, на кочках сереют кустики осоки и вздымаются редкие стебли тростника. И так до самого горизонта – хуже места он до сих пор не видал. Зверья за весь день не встретили никакого – лишь редкие птицы да лягушки. Но зато пиявок, похоже, не меньше чем грязи...

Покосившись на солнце, он обернулся к рыцарю:

– Сир, до заката часа два-три, надо подумать о ночлеге. Может, вы с высоты седла видите хоть что-то похожее на клочок суши? Отдохнуть в этой грязи мы не сможем.

Рыцарь молча привстал в стременах, взгляделся вперед, неуверенно ответил:

– Я уже давно вижу, что впереди что-то есть. Но не уверен, что это нормальная суша. Похоже на остров или несколько островков. Деревья вижу. Может, это уже начинаются леса Фреонские?

– Не знаю. Но деревья это хорошо. Я и на дереве переночую – мне не впервой.

– Да любой переночует, – кивнул Бум. – Лишь бы не с пиявками.

* * *

Бум оказался прав – это действительно был болотный «архипелаг». Несколько кусков суши, затерянных посреди грязевого ада. Беглецам неслыханно повезло на него наткнуться – поход по болоту вымотал всех, но ночевка в этой сырости и вовсе могла убить. Острова, правда, тоже не особо сухие были, однако пиявки здесь точно не сожрут.

Обессиленные лошади и коровы потянулись было к зарослям болотного хвоща и тут же безглаголиво отвернули назад.

– Нос воротят, каналы! – досадливо выдохнул Бум и пнул ближайшую корову в бок. – Придется овес переводить, а то завтра ноги протянут.

Макс, походив по берегу, нашел за тростниковыми зарослями удобную полянку:

– Сюда идите, здесь вроде посуше.

– Так травы тут для скота тоже нет, – возразил один из людей рыцаря.

– О себе надо думать, а не о скотине. Здесь заночевать можно, тут нет этого мокрого мха. Тростника нарубим на лежанки и поспим как нормальные люди. Дров заготовьте, пока не стемнело, надо просушить одежду... до костей все вымокло.

Гурк, вылив из сапог воду, предложил:

– Сир Бум, может, я пройду с луком? Пока светло, подстрелю чего... я видел на мху какие-то следы.

– Дельная мысль, – одобрил рыцарь. – Только не задерживайся. И не забреди в болото. А то сгинеешь, как тот конь утром сгинул.

– Так я не конь, куда не надо не лезу.

– И воду поищи, – сказал Макс. – Болотную пить невозможно, а во флягах осталось мало.

Воин сокрушенно покачал головой:

– Не думаю, что здесь найдется родник или чистое озерцо, но, если попадется, мимо не пройду.

Застучали топоры, упало первое сухое дерево. Сырость всех достала, и люди, не стовариваясь, решили соорудить грандиозный костер, благо сухостоя на это дело хватало. Пусть и гнилой, но зато много. Те, кто не был занят дровами, взялись за ножи – заготавливать тростник и камыш.

Через полчаса затрещал огромный костер, чуть в стороне дымил поменьше – на нем готовили похлебку. Дождавшись, когда нагорят угли, Ури выгреб их целую гору, зарыл в них несколько кусков конины, завернутой в лопухи.

– Ужин у нас будет королевский, – ухмыльнулся он.

Бум досадливо прогудел:

– Учítывая, что обеда не было вообще, это лишь скромное воздаяние за испытанные тяготы. А вот если Гурк притащит молоденькую свинку, вот это действительно будет по-королевски. Болото – лучшее место для охоты на этих вкусных бестий. Ну это, конечно, если дубравы нет под рукой – желуди они уважают побольше чем болото. Я думаю, тут со времен сотворения мира людей не было, и если свиньи здесь водятся, то человека они не боятся и можно их ловить голыми руками.

Макс, покосившись на солнце, почти исчезнувшее за горизонтом, покачал головой:

– Гурку пора бы назад возвращаться. Сейчас темнеть начнет.

* * *

Спустилась ночь, засверкали звезды, из-за горизонта показался краешек луны. Гурк не пришел.

Напрасно люди кричали в темноту – в ответ не было ничего, лишь кваканье лягушек. Бум, привыкший к превратностям судьбы, махнул рукой:

– Если жив, костер наш и так найдет, а мертвому наши крики не нужны. А вот нам, чем без толку орать, надо бы подкрепиться – завтра опять грязь месить.

Никто не возразил – искать в этой темени пропавшего бесполезно и даже опасно, а поесть и отдохнуть надо всем.

Счастливые обладатели собственных мисок расселись вокруг костра, остальные сгрудились возле котла. Лепешек не было, и похлебку закусывали доскоподобной печеной кониной. Люди уныло жевали невкусную, опостылевшую пищу. На такой случай хорошо бы держать в резерве порцию чего-то вкусенького или по чарке самогона выделить. Но, увы – запасы подъедены основательно, а спиртного давно уж нет.

На мшистой поляне, рядом с лагерем, кшарги нацедили мутной, забитой сором воды. Пить ее сырой, конечно, нельзя, но на чай сойдет – а это как раз то, что никому не помешает.

Макс на той же полянке кое-как вытер мокрым мхом ноги, горевшие от укусов болотной нечисти, вернулся к костру, зачерпнул кружку ароматного местного чая, выругался:

– Бездельники! Вы бы хоть котел помыли после похлебки – жир всю кружку затынул!

– Сытнее чай будет, – лениво процедил Дубин и, отхлебнув глоток, с чудовищным акцентом поинтересовался на восточном наречии: – Что будем делать, если и утром Гурк не появится?

Бум, приканчивая вторую кружку, почесал живот, буркнул:

– Да чтоб он утоп... охотничек... Не появится, попробуем поискать. Ума не приложу, куда он мог деться... Гурк не из тех ротозеев, что на ровном месте ноги ломают.

Пожилой кшарг, самый старший в отряде, оторвался от кружки, глядя в огонь, мрачно произнес:

– Это очень плохое место. Мы к этим болотам никогда не ходим. Тут всякое бывает...

– Что, нечисть водится? – заинтересовался рыцарь.

Кшарг, сделав маленький глоток, степенно, не теряя достоинства, ответил:

– Нечисть везде водится, на то она и нечисть. Где свет, там и тьма, а где тьма, там отродья мрака. Но здесь, на этих бескрайних болотах, одна тьма... нет здесь света. А если света нет, то соваться сюда не стоит никому...

– Здесь просто делать нечего, вот никто и не ходит, – скептически возразил Макс.

– Не говори то, чего не знаешь. – Кшарг покачал головой. – В этом болоте можно руду железную черпать. Ее здесь много. Травы тут очень полезные есть, и клюква с орех размером. Наши глупцы, особенно молодые, иной раз забывают про запрет и заходят сюда... Не все из них возвращаются... далеко не все.

– Сказки небось, – ухмыльнулся Макс.

– Позапрошлым летом сын кузнеца пошел, вроде бы яму присмотрел рудную.

– И что, не вернулся?

– Дружки его не вернулись, а сам все же объявился...

– И что он рассказал? Что за нечисть побрала его друзей? – замороженно поинтересовался Ури.

Кшарг неспешно прихлебнул из кружки, спокойно ответил:

– Ничего он не рассказал. Только орал и мычал, а волосы его были седые, как у старца, хотя уходил чернявым, как хидатский купец. Три дня орал без остановки, ни минуты не спал, а после помер.

У костра воцарилось молчание – несмотря на примитивность «страшилки», здесь, посреди трясины, она поневоле впечатлила всех.

Первым молчание нарушил рыцарь:

– Сдается мне, он что-то очень уж жуткое здесь увидел, и беда с ним от великого испуга приключилась. У меня с брадобреем такое было – пил он тогда как чумной конь и однажды, спустившись в подвал, увидел, что там его зачем-то поджидают все десять владык ночи. Тоже долго орал и поседел потом. Но не помер. И к браге больше не притрагивался.

Кшарг покачал головой:

– Здесь совсем не это. Говорят... Говорят, раньше здесь был лес. Обычный лес. А потом лес проклинали, проклинали навсегда.

– Это кто говорит? – уточнил Макс.

– Я его не застал. Я родился на востоке, молодым убежал от хозяина. Здесь, в лесу, нашел себе жену. Хорошая была женщина, и дети у нас вышли хорошие. Сгорела она от горячки в прошлом году. Так вот род ее испокон веков в лесу жил – вольные люди. Уж и сами не помнят, кто из прародителей их здесь первыми поселился. Думаю, было это очень давно, еще даже

до Хайтаны. Здесь проходила граница ныне погибших стран – развалины их городов можно найти на правом берегу Фреоны. От предков в их семье осталась история, как с востока в лес пришел беглец. В своей стране он был мудрым волшебником, но попал в опалу, и пришлось ему скрываться от слуг короля.

Отхлебнув очередной глоток, кшарг, явно польщенный молчаливым вниманием слушателей, продолжил:

– В нашем лесу ему было тоскливо, и он постоянно странствовал. Бывал и на правом берегу Фреоны, копался в развалинах погибших городов. Немало ценного нашел там, но помимо золота и серебра однажды наткнулся на древнюю библиотеку. Многие книги погибли, но и уцелело немало. В числе уцелевших книг оказалась летопись города, точнее, последние ее страницы. Там описывались последние годы спокойной жизни, потом писали про войну, а потом уже ничего не писали... И узнал он из этой книги, что раньше все в мире было не так, как сейчас. На Фреоне не было порогов, не было раскаленного Гриндира, не было Хайтаны, и мест вроде этого болота тоже не было. Все это появилось за один день и за одну ночь. Днем было темно, как ночью, из-за черных туч, из которых вместо дождя сыпались пепел и сажа, ночью было светло оттого, что небеса пылали огнем и раскалывались молниями. Землю трясло так, что рушились каменные дома и крепкие стены крепостей, повсюду возникали бездонные пропасти, куда проваливались целые города, реки выходили из берегов или меняли русла, пылали деревни и поля, из трещин в земле выходили облака удушливого дыма, от него погибали люди и скотина... Но это еще не самое страшное.

Сделав драматическую паузу, кшарг, выставив указательный палец, продолжил:

– И явились в наш мир поганные чудовища. Было их неисчислимое множество, но были они слабы и растерянны, а многие и вовсе издыхали, не способные жить нигде, кроме ада. Не будь этого, оборвался бы род человеческий и стала бы наша земля адом. Но люди, хоть и было им страшно, взялись за оружие. День и ночь продолжалась битва, а утром перестала дрожать земля, сквозь тучи стало проглядывать солнце. И перестали появляться чудовища. Люди похоронили павших, сожгли смердящие туши чудовищ, начали отстраивать заново города и деревни. Но тут из дикой степи пришли хайты, и история древней страны окончилась.

– А при чем здесь это болото? – непонимающе уточнил Ури.

Кшарг поднялся, зачерпнул из котла чая, пожал плечами:

– Я не мудрец, но болото это, наверное, как и Гриндир, появилось в тот день и в ту ночь. А значит, здесь тоже могли появиться чудовища. Если здесь раньше были те же дикие леса, то никто этих чудовищ не тронул. Что, если они пережили века и до сих пор обитают где-то здесь?

Бум выругался и добавил:

– Тупой осел – нашел что на ночь рассказывать! И так после пропажи Гурка на душе мутно! Рассказал бы лучше, где этот прощелыга-мудрец золото находил и не осталось ли там чего-нибудь и для нас? Вот такое мы бы перед сном с очень большим интересом послушали. Или в роду твоей жены только про чудовищ сказание хранили? Если так, то глуп ее род, очень глуп!

– Нет, – возразил кшарг, – про золото, и не только про золото, тоже память берегли. Но это заслуживает отдельного, долгого рассказа, а между тем котел уже пуст.

– А мы его сейчас быстренько закипятим, – подскочил радостный Ури.

* * *

Проснувшись, Макс понял, что если срочно не опорожнит мочевой пузырь, то через минуту будет поздно. Проклятый чай – ну нельзя же было столько пить на ночь! Денек выдался тот еще – вставать не хотелось совершенно, но и мочиться в штаны тоже не дело.

Мысленно проклиная и чай, и кшарга-сказочника, Макс поднялся, ежась от промозглой ночной сырости, пошел к берегу болота. Огибая островок камыша, потерял равновесие, чуть не упал, хохотнул, вслух пробурчал:

– Однако чай крепкий был... Ну-ка, пиявочки, получите порцию вашего любимого рас-сола! Вы же так не любите соль! Я специально не поленился к вам притопать в такую даль!

Застегивая штаны, Макс вдруг почувствовал такое непреодолимое желание поспать, что бороться с ним не смог. Оттягивать момент тоже не стал. Да, до лежанки тростниковой всего полсотни шагов, но это расстояние вдруг показалось марафонской дистанцией – зачем идти в такую даль, если можно выспаться прямо здесь?

Землянин плашмя рухнул на берег, заснув на лету, еще не достигнув земли. Рука угодила в воду, но этого он уже не заметил.

Макс уснул мертвым сном.

* * *

Пробуждение было кошмарным.

Тело не просто замерзло, оно замерзло до одеревенения, казалось, даже льдом покрылось. Голова раскалывалась, во рту будто язык протух, а рука горела огнем. Пару раз в жизни Макс приходилось напиваться до сильного похмелья, но нынешнее состояние и близко не стояло, похмелье – это просто детский лепет.

С трудом продавив заплывшие глаза, Макс вытянул из болота руку, жалея сам себя, проскулил – к запястью присосалась чуть ли не дивизия пиявок. Некоторые успели на совесть напиться крови землянина – разбухли до размеров сосиски. Поспешно достав соль, не жалея сыпанул на гадин, затряс рукой.

– Да что ж это со мной?. Не проснись я сейчас, всю кровь бы высосали...

Взглянув на небо, Макс по положению луны понял, что до рассвета еще часа два. Самая холодная пора суток наступает, очевидно, холод его и разбудил – так бы точно поутру товарищи нашли обескровленную мумию.

Пошатываясь, направился к полянке, где добывали воду. Больше всего хотелось добраться до лежанки и завалиться опять, но зудевшая рука требовала к себе внимания.

Обтирая предплечье и кисть ключьями водянистого мха, Макс расслышал, как вдалеке заржала лошадь. Голова, несмотря ни на что, работать продолжала и подала сигнал тревоги – все лошади, стреноженные, стояли у лагеря, нечего им было ржать из такой дали.

Насторожившись, Макс потянулся к сапогу, вытащил из-за голенища нож, пригнувшись, направился к костру и выглянул из кустов. Увиденное его не обрадовало – огромная груда углей уже подернулась пеплом, скудно освещая пустые лежанки.

Людей не было. Никого.

Нервно сглотнув, Макс крадучись пошел в обход, пытаясь рассмотреть, что происходит за малым костром, – там тоже располагались на ночлег несколько человек. Не пройдя и несколько шагов, расслышал впереди подозрительный шум. Замер... прислушался. Какие-то хлюпающие, приглушенные звуки, будто кто-то неаккуратно, с чавканьем, лакает похлебку.

Очень плохой звук.

Сжимая нож потеющей рукой, Макс неуверенно шагнул назад. Сердце чуть не лопнуло, когда под ногой хрустнула ветка. Противный звук тут же стих, впереди кто-то с заунывным стоном неразборчиво пробормотал:

– Уеей еея.

Макс сделал еще один шаг назад, и тут из-за тучи выглянула луна. В нескольких шагах от него стоял кшарг, развлекавший их перед сном своими рассказами. Теперь ему было явно не до рассказов – он, пошатываясь, стоял, держась за дерево, развернув лицо в сторону Макса.

Правда, лица как такового у него не было – уцелела лишь нижняя часть, с раскидистыми седыми усами. Только по ним землянин его и опознал. Выше кончика носа плоть бугрилась отслоившимися ключьями мяса, оттуда потоками медленно стекала желеобразная слизь, в этой сплошной ране что-то шевелилось и противно чавкало.

Рот открылся, извергнув целый водопад слизи, губы шевельнулись:

– Уееее мееееееея.

Макс обделался.

Как ни странно, это ему пошло на пользу – стряхнуло паралич страха. Кошмарная фигура шагнула к нему, но Макс, не обращая на нее внимания, рванул к костру. Подхватил свой лук, с немыслимым прежде проворством натянул тетиву, наложил на нее стрелу, развернулся.

Кшарг был уже в десятке шагов. Покачиваясь, чуть ли не падая при каждом движении, он приближался. Тетива больно ударила по искусанной левой руке, стрела пробила сердце ходячего трупа. От удара тело завалилось на спину, нелепо задергалось, пытаясь подняться. Холщовая рубаша задралась, обнажив дыру на месте брюшины, в ней среди ключьев уцелевших внутренностей ползала какая-то фосфоресцирующая мерзость.

Тело приподнялось на четвереньки, начало распрямляться. Макс, отчаянно взыв, прыгнул вперед, ударил ногой. Кшарг отлетел вбок, плюхнулся в груды алых углей, заворочался в ней, не бросая попыток встать. От жара вспыхнула одежда, потянуло запахом жженого тряпья и горелого мяса.

В свете огня Макс увидел, что на некоторых лежанках люди все же есть... точнее, то, что от них осталось. Костяки с жалкими остатками плоти и обрывков одежды... И все та же слизь – целые лужи густой слизи.

Тело кшарга, объятые огнем, наконец перестало биться, но из него выкатился влажный клубок, распрямился, пополз от костра гигантским слизняком, начал быстро зарываться в мох. Макс брезгливо пнул его назад, в пламя. Неведомая мерзость зашипела, запищала, забилась на углях, завоняла чем-то тошнотворно-кислым.

Где-то вдаль опять заржала лошадь, этот звук привел Макса в себя.

Надо действовать.

Покопавшись рядом с лежанкой Ури, Макс разыскал связку факелов. Один зажег, остальные закинул в сумку, перекинул ее через плечо. Повесил на пояс меч, подсвечивая под ноги, пошел по хорошо натопанному следу. Он год командовал охотничьим отрядом и прекрасно видел, что кто-то или скорее что-то здесь проволокло его товарищей в глубь острова. Голова у Макса тоже работала неплохо, и он также понимал, что неизвестный враг сумел их как-то усыпить. Если бы не пиявки, возможно, на одного «зомби» сейчас бы было больше. Других причин своего спасения Макс не видел. Правда, он и не особо себя озадачивал размышлениями на эту тему.

Не до этого сейчас.

Луна, как назло, опять скрылась – оставалось уповать на факел и на то, что эти твари огня боятся. Эх... сюда бы огнемет... Не пройдя и полусотни шагов, Макс наткнулся на очередное тело – меж ребер, среди ключьев уцелевшей плоти, чавкал еще один светящийся слизняк. Факел, вбитый в желеобразную плоть, заставил упыря запищать, предсмертно задергаться.

– Получи, сучара! – почти радостно выдохнул Макс.

Ему почему-то стало казаться, что он непобедим. Просто надо немного отдохнуть. Лечь, полежать, отоспаться хорошо... хорошо отоспаться... мертвым сном...

Но сознание просто обманывать, когда оно блаженствует, – если рассудок бьется в панике, его не задурить.

– Хрен вам! – взвыл Макс и приложился многострадальной рукой о факел.

Боль чуть не оглушила и напрочь прогнала смертоносную сонливость. Почти не взглядывая под ноги, Макс понесся по следу. Потерять его трудно – протянут, будто под линейку.

Продравшись через кусты, вынеся на поляну, замер, пытаясь разглядеть, что же там, впереди, белеет. Из-за туч услужливо проглянула луна, как бы помогая землянину. Лучше бы не помогала – все равно ничего не понять. Будто шариков для пинг-понга кто-то кучу насыпал – только шарики размером с избу. И все это будто корнями белесыми переплетено и склеено потоками какой-то гадости, будто смесь масла и чешуи исполинских рыб. И все это так же фосфоресцирует мертвыми, голубоватыми огоньками.

Перед щелью меж шаров что-то двигалось. Подняв факел над головой, Макс шагнул ближе, увидел тело Бума, оплетенное паутиной присохшей слизи. Несколько лент слизи уходили вперед, к мерзковатой белесой твари, похожей на личинку жука, вот только размером с теленка. Чавкая и попискивая, она тащила тело рыцаря в глубь этой подозрительной конструкции.

Ослабившись, Макс выхватил меч. Первым ударом отсек «личинке» кусок задницы, вторым глубоко проколол тело. Тварь зашипела, проворно развернулась, клацнула жвалами и тут же тонко запищала, получив факел в морду. Не давая ей опомниться, Макс рубанул по голове с такой силой, что едва удержал меч в руке, и отскочил от дергающегося тела назад.

Ни на что не надеясь, прижег рыцарю левую руку. Тот заворочался, открыл мутные глаза, возмущенно пробормотал:

– Ты что творишь! Недоносок убогий!

– Бум! Вставай! Нельзя спать! Все наши, похоже, убиты! Но надо проверить, может, еще кто живой остался!

Приподнявшись, рыцарь обернулся, вытаращился на агонизирующую тушу:

– Сто грошовых шлюх и десять владык ночи!!! Это что здесь за дерьмо?! И где мы?!

Макс, помогая ему подняться, отмахнулся от вопросов:

– Некогда рассказывать. Да я и сам не знаю. Надо поискать остальных.

– Макс, ты хочешь сказать, что эта тварь тут не одна и мы пойдем искать остальных?! Да я уже устал и ничуть этого не стыжусь! Макс, надеюсь, это мне снится!

– Не снится, Бум, не снится... Возьми факел, они боятся огня. Нам надо поискать остальных наших, может, не всех еще сожрали.

Бум тонко похихикал, указал вверх:

– Макс, да я давно уже на наших смотрю!

Подняв голову, землянин содрогнулся: рыцарь не обманул. На потолке, начиная от самого входа, будто мухи на клейкой ленте, висели люди. От некоторых остались полусъеденные тела, меж костей чавкали слизи, другие выглядели будто спящими, расслабленно зависнув в паутине из полос застывшей слизи.

– Бум, прижигай руки факелом тем, кто похож на живого.

Рыцарь послушно ткнул ближайшего. Тело содрогнулось, изо рта заструилась слизь, комок ее шлепнулся Буму на макушку.

– Тьфу, жаба чумная! Погань! Макс, сдается мне, он уже неживой!

– Ну жги следующего, главное – не спи!

Задергалось очередное тело, глаза открылись, мужчина застонал, недоуменно, сонно произнес:

– Что это со мной?

– Это не наш, в нашем отряде такого не было, – констатировал Бум. – Эй, ты кто такой?

– Я Энью, мой хозяин барон Пигирус. Где я?

Макс хохотнул:

– Энью, вы что, даже в болоте продолжали преследовать сира Бума?

– Да. Мы с трудом нашли землю посреди болота, остановились на ночлег... Как я сюда попал? Что со мной?

– Бум, освободи его... мы сейчас все в одной заднице.

– Освобожу, – согласился рыцарь. – Но потом, недоношенный сын шлюхи, ты заплатишь мне за каждую хромую кобылу по цене аркольского скакуна!

В темноте кошмарной галереи что-то зачавкало особенно сильно, факел осветил сразу две огромные личинки, семенящие к месту переполоха.

Люди инстинктивно попятились наружу. Твари, не обращая на них внимания, припали к дрожащей туше умирающего собрата, проворно ощупали ее розоватыми отростками, свисавшими с морды, начали выпускать слизь, оплетая агонизирующую личинку.

– Да они слепые, – заворуженно произнес Макс.

Да, зрением этих тварей природа обделила, но вот органы слуха работали прекрасно. Бросив свое занятие, они развернулись в сторону землянина, зашипели. И тут Бум, видимо соскучившийся по грубым действиям, подпрыгнул вверх, на миг повис на потолке, спрыгнул вниз, сжимая в одной руке факел, а в другой непонятно откуда взявшуюся хайтанскую секиру. Извергая потоки площадной брани, он рванул вперед, замахал своим тяжелым оружием.

Сталь зачавкала о склизкую плоть, изрубленные личинки запищали, завоняли все той же кислой вонью. Макс, подскочив поближе, начал прижигать им морды факелом, на ходу почти весело поинтересовался:

– Бум, где ты достал эту секиру?

– Вверх погляди, ротозей!

Подняв голову, Макс понял, что тела на потолке располагаются в несколько слоев. Освободив слугу барона Пигируса, Бум открыл доступ к слою древних трупов. Землянин безошибочно опознал в пожелтевшем костяке скелет ракса – даже доспехи уцелели.

– Мать Божья! – по-русски охнул он и добавил на местном: – Откуда здесь хайты взялись?

– Макс, ты сюда болтать пришел или освобождать остальных! Вперед, порубим эту нечисть! Наверняка Гурк где-то здесь!

– Если бы только Гурк, – вздохнул Макс и пошел вслед за рыцарем.

Не обращая внимания на потолок, они прошли по всему коридору и его ответвлениям. За ними, сонно шатаясь, не отставая, бродил слуга Пигируса. Личинки больше не встретились, но в шарах, громоздившихся над головой, слышались весьма неприятные звуки – будто двигалось что-то крупное.

– Вроде бы пусто, – неуверенно пробормотал Бум.

Макс указал пальцем вверх:

– Они, похоже, там лезят. И хорошо, если только они... как бы чего покрупнее не спустилось. Давай быстро осмотрим тела на потолке, и надо уносить ноги.

– О! Смотри! Гурк! Точнее, то, что от него осталось... Кольчуга у него неплохая, можно бы снять...

– Какая еще кольчуга! Быстрее!

– Да куда нам спешить... давай подремлем немного... потом все осмотрим... А-а-а-а-а-а-а-а!!! Макс!!! Таран тебе в задницу!!! Зачем ты это сделал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.